

[Polaris]

Василий
МАСЮТИН

ЦАРЕВНА НЕФРЕТ

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXXV

Salamandra P.V.V.

**Василий
МАСЮТИН**

ЦАРЕВНА НЕФРЕТ

Повесть в двух томах

Том I

Salamandra P.V.V.

Масютин В. Н.

Царевна Нефрет: Повесть в двух томах. Пер. с укр. и прим. Л. Панаевой. Илл. автора. Том I. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 136 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXXXV).

Пылкий и романтический немецкий египтолог Роберт Райт, разбирая папирусы в Берлинском музее, находит любовные стихи древнеегипетской царевны Нефрет. Зловещий наставник молодого ученого, профессор Стакен, считает их ничего не стоящими бреднями. Но Райт бросается в Египет на поиски гробницы Нефрет — что приводит к самым неожиданным откровениям и фантазмагорическим последствиям...

Фантастическая повесть известного художника, гравера и графика В. Н. Масютина (1884-1955), яркая страница в истории литературного Египта, многие десятилетия оставалась забытой и до самого недавнего времени никогда не издавалась на русском языке.

ЦАРЕВНА НЕФРЕТ

TOM I

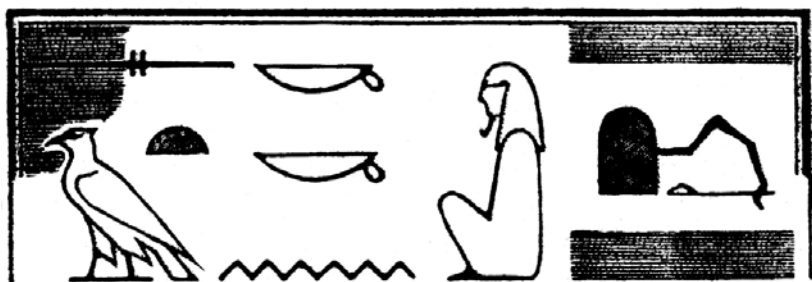

...Истинною любовью любят живые только мертвых;
только в разлуке смертной понимает любящий, что
любовь есть путь к воскресению.

Д. Мережковский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОРЬБА

— Теперь я окончательно убежден, дорогой Райт, что вы на ложном пути. Вы оставляете в стороне важные исследования и увлекаетесь обманчивым великолепием поверхностных форм...

Доводы Стакена настойчиво расширяли брешь в слабой обороне Райта.

«Дорогой Райт» — подобного обращения до сих пор не доводилось слышать доктору Роберту Райту, молодому египтологу и автору нескольких книг. Профессор Готгард Стакен — международная величина и непоколебимый авторитет в области египтологии — излагал свои выводы относительно новой книги Райта. В последнее время о Райте много говорили: Египет, недавние раскопки и все связанное с ними стали излюбленной темой бесед даже в салонах светских бездельников.

Стакен, тощий и прямой, как жердь, стоял за столом, заваленным книгами и рукописями. Он касался столешницы твердыми, словно алебастровыми ногтями и глухо отбивал такт своих слов. На затылке и с боков гладкий череп профессора был прикрыт тщательно приглаженными волосами. Его загнутый нос напоминал птичий клюв. Черные, блестящие глаза. Совсем как тот знаменитый сокол из Каирского музея. Таким глубоким был взгляд его бездонных — будто познавших вечность — глаз.

Райт стоял перед ним с уважительной, но одновременно упрямой миной, и в сравнении со своим престарелым учителем выглядел еще моложе, чем был в действительности. Продолговатое лицо говорило об английском происхож-

дении. Твердый подбородок и резковатая складка губ не слишком соответствовали мягким чертам верхней части лица. В его глазах читалось противоборство человека не столько упорного, сколько своенравного. Наполовину женские, наполовину мужские свойства характера, бросавшиеся в глаза в его внешности с первого взгляда, придавали трудам Райта особое очарование.

«Дорогой Райт...» В этом обращении звучала покровительственная, самоуверенная нотка. Оно льстило Райту и вместе с тем настораживало его.

«Дорогой Райт!» — в критике книги он ощущал желание Стакена стереть личность, индивидуальность ученика, однако находил в этой критике и некое мучительное наслаждение, точно жертвовал собой ради неведомой, высшей цели. «Дорогой Райт» — звучало обезоруживающе и великодушно, как слово отца и властелина, привыкшего повелевать.

Относиться к книге, по мнению Райта, следовало совершенно иначе. Вот она, одетая в кожу, с золотым тисненым соколом на верхней крышке. Сколько незабываемых, волнующих, напряженных минут! Сколько радостных путешествий в подземелья египетского гения, чьи творения собраны в молчаливых музейных залах!

В нескольких метрах от Райта гудят за окнами авто, громыхает электрическая железная дорога, плывет поток людей, равнодушных к величественному прошлому. Его должны не попрекать, а хвалить за то, что он подарил этим тупым массам свою книгу. Стакен признавал, что труд его выстроен на солидной основе; но профессор был далек от теплого дыхания картин прошлого, что Райт оживил вместе со страданиями, любовью и мыслью египтян. Стакен не желал признавать ценность его книги, хотя Райт вложил в нее бесконечно много работы: сколько месяцев понадобилось, напрягая все силы, искать в манускриптах сведения о повседневной жизни Египта и составлять из разрозненных осколков полную ее картину.

И в благодарность за все это — только упреки...

Ногти Стакена глухо барабанили по столу, глаза смотрели пристально и неприязненно.

«Орел смотрит на солнце. Глаза Стакена все время глядят на великого Ра... Не слепнут... Кто такой Стакен? Птица или бог?..» Райт чувствовал, что его мысли рассеиваются, обращаются в ничто под этим взглядом. Ему пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы вновь обрести душевное равновесие.

— Мне очень жаль, господин профессор, что моя работа не нашла в вас сторонника. Выслушав ваши доводы, должен заявить, что не могу отречься от чего-либо из написанного. Я знаю, что правда на моей стороне, и это облегчает для меня тяжесть ваших упреков.

Стакен поджал губы, будто сдерживая смех. Райт был удивлен — ведь профессор никогда не смеялся.

— Вы упрямы, господин доктор. Я серьезно побаиваюсь, что вы можете встать на опасный путь...

И совсем другим, официальным тоном добавил:

— Будьте добры, просмотрите завтра тот ящик с папирусами. Прочитайте тексты. Ждите меня в полдень.

Вновь стук ногтей по столу — сигнал окончания разговора. Легкий кивок головой — и Райт вынужден был попрощаться с профессором. Уходя, он вспомнил школьные годы и чувство облегчения после удачного ответа на вопрос учителя. Стакен опустил в кресло и сразу утратил строгую осанку. Он пожелтел и словно состарился на глазах — стал похож на человека, чье обессиленное тело наконец с удовольствием заняло спокойное и удобное положение.

*

По возвращении Райт уже не смог продолжить работу, прерванную беседой со Стакеном. Он разбирал надпись на пьедестале статуэтки, но продвигался с невыносимой медлительностью. Куда-то подевались внезапные озарения, обыч-

но посещавшие его во время подобной работы. Звонок возвестил закрытие музея и даровал Райту свободу... Он собрал свои записи и торопливей, чем обычно, направился к выходу.

*

У ворот музея Райт увидел знакомое авто и за спущенным оконным стеклом лицо своей невесты. Оживленно замахала перчатка. Сегодня Райта не обрадовала эта встреча. Мария или, как он называл ее — Мэри — тоже посягала на его свободу. Он знал ее год, — и с месяц как был ее женихом. Имелась некая связь между положением жениха и теперешним смятением, но она ускользала от Райта. Его беспокоило какое-то совершенно постороннее, чуждое ощущение.

Но чувство недовольства продлилось лишь миг. Он сбегал по ступеням и сел в пахнущее духами авто. Садясь, увидел в дверях музея Стакена. Профессор держал под мышкой трость, натягивал перчатки и безразлично смотрел из-под старомодной шляпы с широкими полями. Райт откинулся, нырнул в выложенные подушками глубины машины.

Мэри прильнула к жениху. Ее ласковость мигом растопила дурное настроение Райта. Он весело поглядел на невесту: на ее свежее юное личико, коротко остриженные волосы и кончик нахального носика. Все остальное скрывалось под шляпкой. Мэри, будто почувствовав его взгляд, повернула голову.

«Как странно... — думал Райт, — когда она смотрит на меня, как сейчас, возникает впечатление, что она пришла из неведомой призрачной дали и принесла с собой что-то давно забытое и утраченное». Перед ним светилось ясное и безмятежное личико красивой девушки. На губах Мэри заиграла улыбка. Райт наклонился и поцеловал их.

— Стакен решил прочитать мне лекцию. Ему не нравится моя книга. Он совсем покрылся пылью и плесенью, напоминает мумию. Но я не намерен его слушать! Пускай и дальше воскрешает египетскую историю, а я буду оживлять людей Древнего Египта. Тебе скучно? Да, все это не очень интересно... Зато после свадьбы поедem в Каир. Увидишь Египет; тогда поймешь, почему я так полюбил этот край.

По правде говоря, у Мэри были другие планы. Египет не привлекал ее: она понимала, что путешествие будет отнюдь не развлекательным. Она предпочла бы французскую Ривьеру или Италию. На худой конец, было бы неплохо остаться в Германии, поехать на море... Но она была теперь невестой — приходилось думать о совместной жизни с Райтом и семейной гармонии, пытаться примирить свои предпочтения с привычками и желаниями будущего мужа.

— Я с радостью поеду с тобой... — Ее глаза смотрели нежно и покорно. Райт поймал ее влюбленный взгляд... Что значит после этого Стакен! Как смешны эти претенденты на его свободу! Райт с уверенностью почувствовал свое право и силу, и недавние сомнения показались ему никчемными и детскими.

*

Дома Райта ждал пакет. Издатель прислал ему рецензии на книгу. Сам автор не ожидал такого успеха. Среди вырезов он нашел письмо на английском. Интересовались условиями перевода. Достаточно приятно... Какой-то респектабельный английский журнал. В нем отчет о заседании научного общества. Книгу Райта сочли событием. Такое мнение высказал не кто иной, как прославленный Пикок. В целом — полная победа. Райт знал, что Пикок был единственным египтологом, авторитет которого признавал Стакен. Отзывы критиков свидетельствовали, что Райт не останется одиноким в борьбе. А борьба представлялась ему неми-

нуемой.

Райт обладал решимостью молодости, позволявшей ему пренебрегать общепринятыми взглядами и выступать с позиций необъяснимой уверенности, продиктованной внутренней убежденностью. Стакен был исследователем. То, что научный мир считал плодом его гения, являлось на самом деле экстрактом исследований. Любой его вывод можно было доказать, сославшись на источники и убедившись в их достоверности. Утверждения Райта не всегда поддавались проверке, но лишь потому, что люди, подобные Стакену, знали далеко не все. Доказательства со временем появятся. То, что писал Райт, основывалось на самом истинном из источников, и этим источником был его вездесущий дух, не признававший преград между прошлым и настоящим. В своей книге Райт рисовал египтянина на фоне образа жизни последнего — египтянина, способного творить такие чудеса, как статуя богини Мут в Каире, бесподобный маленький торс в лондонском University College, флорентийский портрет, который ничем не уступает головке Монны Лизы и прочие достойные восхищения произведения вечно-го искусства, что до сих побуждают к творческому труду, как бы ни хотелось современникам избежать их влияния. Объяснение этих чудес надо искать не в магических и обрядовых текстах, а в самом жизненном ритме Египта и его необычайного, художественно одаренного народа.

Сегодня, барабана твердыми ногтями по столу, Стакен критиковал Райта: подумать только, доктор осмелился выдвинуть единый, общий закон для любовных песен и сакральной скульптуры. Стакен считал подобное покушение на обрядовую строгость египетской скульптуры едва ли не святотатством. Но разве создать такую скульптуру, как маленький торс из University College — не то же самое, что сложить молитву? И разве тело Мэри нельзя считать знаком преклонения перед Неведомым, разве ее глаза, расплывающиеся в розовой дымке лица — не молитва Всевышнему?

На столе вырезки, журнал, письма... «Вот доказательство, что мою правду разделяют и другие, что и они верят в Бога, которому я молюсь... Профессор Стакен! Я был ва-

шим учеником. Теперь я сам стал учителем. Наши истины различны и наши дороги расходятся...»

*

Когда Райт засыпал после дня, проведенного над письмами и книгами, перед ним снова встало непоколебимо самоуверенное лицо Стакена. Он вспомнил, как учитель обрел над ним власть, роняя во внимательно притихшем лекционном зале размеренные, строгие слова. Каждое из этих слов западало в душу. Стакен словно наполнял душу лучшего ученика частью своей души, словно очерчивал вокруг него магический словесный круг, дабы уберечь Райта от грозивших ему искушений и оградить питомца от поисков собственной правды.

Теперь глаза Стакена смотрели на Райта издалека, из тех сфер, откуда до Райта дошло сознание двойственности нашей жизни. Ему казалось, что минувший день окончательно избавил его от опасности подчиниться воздействию Стакена. Последние следы растерянности исчезли, когда он представил себе тело Мэри — тело статуэтки из University College.

*

В девять утра Райт сидел за библиотечным столом и сортировал манускрипты для Стакена. Договоры, хроники, гимны — в одну стопку. В другую — всевозможное барахло: хотя оно не заключало в себе ничего нового, Стакен имел обыкновение тщательно просматривать такие документы.

Короткие фразы. Дышащая ароматом древности любовная история. Райт начал углубляться в текст. Он не мог оторваться и забыл о прочих, еще не разобранных документах

из присланной Стакеном обширной подборки, которой профессор придавал большое значение.

Нефрет. Кто она? Безвестная предтеча Сапфо, диктовавшая услужливому секретарю фрагменты какого-то поэтического повествования об исполненных тоски встречах, волнениях, надеждах. Строфы падают, как сорванные дрожащей рукой лепестки цветка: египтянка надеется прочитать на этих лепестках свою судьбу, получить ответ на вопрос мятущегося сердца.

*От милого я вышла,
И сердце замирает
При мысли о его любви.*

*И яства сладкие —
Мне соли солоней
И вина сладкие —
Гусиной желчи горше.*

*Лишь поцелуй его
Живителен для сердца.
Что я нашла, Амон,
Мне сохрани навеки!*

—

*Ласточки я слышу голос:
«Брезжит свет, пора в дорогу!»
Птица, не сердись,
Не брани меня!*

*Милый у себя в опочивальне.
Радует сердце.
Говорю я другу: «Не уйду!»
И рука моя — в его руке.*

*Для прогулок выбираем оба
Уголок уединенный сада.
Стала я счастливейшей из женщин.
Сердца моего не ранит милый.*

Это даже не повествование, а ряд намеков, от которых начинает бурлить кровь. Отрывочные записи в дневнике. Вспышка искры, еще не ставшей пламенем. Страх ожидания. Обещания перед свиданием. Гимн любви, что еще не овладела предметом, по которому тоскует. Любовь еще не увенчана наслаждением своей жертвы.

Имя Нефрет — однозвучно с египетским обозначением красоты. В любви звучит душа, в песне дрожат струны. Имя сладостное, бесконечно близкое. Райту кажется, что оно воцарилось в его душе с той минуты, когда звук «Нефрет» восстало из тьмы небытия после долгих и таинственных блужданий, и теперь его земная жизнь наполнилась им и придала ему смысл.

*

Двенадцать ударов. Округлые, полнотонные — удары в то же время будто медлят — как если бы часы, висящие в углу, издавали их с трудом. С последним ударом в библиотеку входит Стакен.

Вчерашнее возбуждение Райта, его твердая вера в победу мгновенно исчезают. Пронзительный и непроницаемый взор учителя вновь подавляет его. Как птица в клетке, его душа мечется и бьется, не находя выхода. «Моя книга, мой путь, Мэри... они где-то там... но тут... взгляд засушенного старца, уже протянувшего руку к папирусам».

Всплывает воспоминание из школьных времен: именно так преподаватель грозно указывает на «ослиный мост», неловко оброненный к его ногам.

Стакен прижал ладонью папирус. Уголки сомкнутых губ дрогнули в усмешке: «Господин доктор! Не откажитесь занести все это ко мне».

Его пожелтевшая рука совершила над столом и рукописями повелительное движение.

Райт, чувствуя на своей спине взгляд Стакена, направился к кабинету со скромной медной табличкой: «Директор Стакен». Заскрипел ключ в замке — Стакен опередил Райта и распахнул дверь: «Прошу, господин доктор».

Райт, как и вчера, стоит перед столом директора. Стакен уселся в кресло. На сей раз он не кажется страшным. Опустил руки со сцепленными пальцами на манускрипты:

— Кажется, я оторвал вас от работы, дорогой Райт.

(«Дорогой? Теперь я не поддамся», — подумал Райт, будто проснувшись и ощутив волю к сопротивлению.)

— Этот отрывок вас заинтересовал. Не пришло ли вам в голову, что я хотел вас испытать?

Райт как раз подумал, что Стакен мог намеренно подсунуть ему папирус со стихами.

— Пикок вас хвалит. Вы должны радоваться, что обзавелись таким защитником.

Райт почувствовал, что краснеет от радости. Он словно ощутил, как раньше, свежий порыв ветра. Может быть, Стакен уже прочитал отчет о заседании общества...

— Пикок мне написал, — с этими словами Стакен достал из нагрудного кармана письмо. — Он передает мне свои поздравления... — в его голосе прозвучала явная ирония, — и называет ваши представления о египетском мировоззрении смелыми. Но он определенно ими захвачен. Тем не менее, вы переходите в область опасных фантазий, вы предаетесь мечтаниям, вы впадаете в соблазн и пытаетесь воскресить людей древности, пренебрегая при этом единственно достоверным путем строго научных исследований...

Райт не сдержал нетерпеливого движения.

— Вы слишком смелы, дорогой Райт. Я не могу не сказать вам этого. Вчера я критиковал вас, а сегодня решительно предостерегаю: вы чересчур легкомысленны.

Пальцы Стакена шевельнулись, губы сжались.

— Вы упорядочили все документы, господин доктор? Будьте любезны вас заняться ими сегодня, так как завтра я попрошу вас просмотреть папирусы в моем кабинете.

У Стакена довольное лицо, глаза прикрыты ресницами.

— Надеюсь, что различия во взглядах не скажутся на наших искренних и дружеских отношениях.

И подает через стол руку Райту, который мечтает только об одном — как можно скорее разорвать новые путы.

*

Райт возвращается к своей работе в чрезвычайном волнении. Волевым усилием заставляет себя думать о другом.

«Не переутомился ли я за эти месяцы непомерного труда в музее и дома?» — спрашивает себя Райт. Свидания с Мэри были для него лишь кратким отдыхом и не прерывали умственной работы. Он механически улыбался, произносил вежливые слова, сопровождал Мэри на концерты и в театр, но всюду видел одни образы прошлого, что становились все более отчетливыми.

Близящаяся свадьба виделась ему обязанностью, от которой нужно побыстрее избавиться. «Я уеду и проведу несколько месяцев вдали от Стакена. Он мне только мешает... Тогда и отдохну».

*

Вечером Мэри была нежна. Ландсберг, ее отец, заглянул ненадолго:

— Рад вашим успехам, господин Райт. Молодежь нынче движется вперед быстрее нас, стариков... Вы годитесь по возрасту мне в сыновья, а уже дошли до вершины. Как же я намучился, прежде чем добился сегодняшнего положения!

Сколько потрачено сил, сколько умственной работы!.. Однако на нас никто не обращает внимания, никто о нас не говорит.

Ландсберг был очень честолюбив: он радовался как ребенок, когда какое-нибудь иллюстрированное журнальное приложение печатало по случаю его юбилея — вероятно, не бескорыстно — фотографию юбиляра. Невесть в который раз он завел рассказ о некоторых этапах своей карьеры. Начинал он рассыльным, а в настоящий момент являлся директором ряда предприятий. Далеко не все объяснялось его дарованиями — Ландсберг о многом умалчивал. Выговорился, закурил сигару, посмотрелся в зеркало, поправил галстук. Размахивая руками, вышел из дома, чтобы вернуться поздно ночью.

Мэри ждала от Райта ответных проявлений нежности. Но Райт вертел в руках свой эмалированный портсигар и говорил:

— Стакен постарел и сделался скучен, засох, ведет себя как царек. Все его боятся, в музее мертвечина, как в гробу. Он даже слышать не хочет о временных выставках, на которых можно было бы систематически представить различные страницы древности. Но что толку в скучной, как сам Стакен, постоянной экспозиции, расположенной в хронологическом порядке? Музеи что-то стоят только тогда, когда не утрачивают связи с жизнью, не напоминают кладбища, где мы сбрасываем в кучу все, что для жизни непригодно.

— Роберт! Я хотела тебя попросить... Приходя ко мне, постарайся забыть о музее. Когда ты так говоришь, мне начинает казаться, что я больше никому не нужна и меня тоже посадили за стекло в музейную витрину.

Райт взглянул на Мэри. Ее губы сложились в обиженную детскую гримаску, но тон был не детский: в нем звучала своеобразная властность.

— Прости меня. В последнее время я немного встревожен. Я нуждаюсь в отдыхе... нам хорошо бы поскорее куда-нибудь уехать.

— Нет, ускорить свадьбу невозможно. Даже если дом будет готов раньше, до начала октября об этом нечего и думать.

Мэри все распланировала заранее.

— У меня будут трудности с отпуском: Стакен...

— Не понимаю, почему ты так цепляешься за музей. По-моему, наше состояние вполне позволяет нам отказаться от твоих заработков. В конце концов, ты же сам говорил, что книги принесут тебе хорошие гонорары, — поспешила поправиться Мэри, стараясь подчеркнуть материальную независимость Райта.

*

«Может, она и права, — размышлял Райт, вернувшись домой. — С музеем меня ничего не связывает, кроме привычки...» Но в то же время он чувствовал, что эта привычка проникла в него, как яд, что он каждодневно, как в воздухе для дыхания, нуждался в музейном собрании, должен был видеть вокруг себя все эти предметы. Глазам, что оставались на древностях небрежно, из пустого любопытства, они и впрямь представлялись скучными, но Райт ощущал, что сроднился с ними, и перед ним они доверчиво раскрывали свой поначалу сокрытый смысл. Возможно, ценность их была различна, но все без исключения заслуживали внимания.

И все-таки все это были только частицы великого целого — проглоченного временем Египта Осириса. Его тело распалось на тысячи фрагментов, хранившихся во всех музеях мира.

Все здесь было конечным, все преходящим. Райт с горечью ощущал свои сомнения, пусть они и были лишь минутными. Ни под каким предлогом он не мог отречься от внутренней связи с музеем.

Это пренебрежительное равнодушие Мэри... Музей и Мэри — два непримиримых соперника. Стакен, Египет и современность. Умиравший Запад — страна заката — Амен-ти — обитель усопших. Где жизнь? — Здесь, в умирающем мире, или в Египте — вечно юной стране чудесных видений, стране бессмертной красоты? Бесконечная змея гремящих авто, грохот поездов над головой, шум подземных железных дорог... Ряды серых, однообразных, скучных домов, блестящая толща асфальта, серое небо — все серое и черное, освещенное холодным электрическим светом...

Райт видел иные линии, иные пропорции. Он мечтал о другом темпе движения. Праздничной царской мантией накрывал суетливое мельтешение современной жизни.

Царственный Египет! Прадед всех наших знаний! Учитель незабвенной мудрости и красоты...

*

«Мэри попрощалась со мной несколько холодно, — подумал Райт, открывая дверь своей квартиры. — Чуть дольше обычного задержала руку в моей и сказала: “Сегодня ты не нашел для меня ни единого нежного слова”. Должно быть, намекала, что хотела бы видеть меня таким, как вчера. Стремится влиять, как Стакен?» Но разве сам он, Райт, не изменил Египту, которому издавна отдал душу? Мэри была данью современному миру. Мир этот ненасытно пожирал его жизнь, скрывавшую под пеленой быта бессмертное «я». Да, чередой впечатлений повседневности поневоле втягивала его в свою карусель.

Во сне Райт увидел Стакена: тот стоял на другом конце узкого моста, перекинутого над широкой рекой. Райт хотел перейти на другой берег, но перед ним высилась недвижная, как из камня высеченная фигура, преграждавшая путь. Он обязан был перебраться на ту сторону — чувствовал, что пропадет, если не сумеет миновать Стакена. А если Стакен

не пропустит его, придется искать другую дорогу. И вот он подавляет отвращение и страх, протискивается мимо холодного тела Стакена и оказывается на другом берегу, очистившийся и совершенно прозрачный. Он не видит своего тела, но ощущает каждую жилку. Сквозь Стакена, который вырастает перед ним, словно громадное здание, он видит позади, на покинутом берегу, Мэри и еще каких-то неизвестных людей. Все они зовут его, потом садятся в длинную череду авто и уезжают извивающейся змеей.

*

В кабинете Стакена Райта ждут папирусы. Они сложены на одном углу стола — все вперемешку: договоры, хроники, гимны... Ничего нового. Опять те же отчеты, инвентарные списки, рецепты... что дальше, дальше?

Записей Нефрет здесь нет. Неужели ее история действительно так живо заинтересовала Стакена? Райт неохотно принялся за работу. Ему трудно было сосредоточиться на манускриптах: исчезнувший папирус по-прежнему приковывал к себе все мысли.

Стакен не пришел. Служитель положил на стол директора какой-то конверт.

— Профессор Стакен скоро будет?

— Господин директор вчера сказали, что сегодня ведь день будут отсутствовать.

— Благодарю.

Полный уважения голос служителя, набожно произнесенные слова «господин директор» и сопровождавшие их почтительные телодвижения были призваны вызвать священный трепет.

«Куда мог подеваться папирус Нефрет?» — раздумывал Райт, записывая прочитанное. Тексты были скучные. Стакен будет копаться в них, как золотоискатель в песке. Райт подошел к столу Стакена, заваленному бумагами и книга-

ми. Рядом с чернильницей — шаром из хрустального стекла — лежало увеличительное стекло и старомодные очки. Райт притронулся к разбросанным листам, думая о том, куда мог запропасться папирус.

— Добрый день, дорогой доктор. Как работается? — услышал он голос Стакена. Глаза профессора иронично поблескивали, пальцы скрючились.

Стакен проверяет перевод Райта, а тот чувствует, как покраснело его лицо.

— Вы можете, дорогой Райт, взирать на эти скучные гимны немного свысока, но каждый новый папирус объясняет нам таинственный мир, истолковывает отношение тогдашних людей к Творцу. Разве с такой точки зрения не безразлично, каковы были отношения между людьми? В гимнах мы находим непревзойденную мудрость. Не в любовных писаниях, отражающих лишь случайные порывы телесной жажды, но в страстной тоске по Всевышнему проявляется дух. Земные желания сковывают нас. Неужели вы не верите, что дыхание божье, одушевляющее тленную земную оболочку, способно пробуждать любовный огонь? Мы живем только нашими грубыми органами чувств и только ими пытаемся постичь основы гармонии вселенной...

Слова падали, как оловянные капли. Пальцы барабанили по столу, будто отбивая знаки препинания.

*

Какое-то проклятое ярмо на шее... словно на ней покоятся каменные когти Сфинкса. Райт чувствовал каменный взор Стакена, остановившийся на нем и его книге. Он готов был провалиться под землю, стать невидимым, только бы скрыться от этого взгляда. Иероглифы на папирусе начали дрожать, вытягиваться, менять форму.

«Ты божественное Естество — одно, единое, всетворящее. Ты создал все живое, из слез Твоих глаз восстал род

человеческий, из слова уст Твоих — Божество».

*«И сердце замирает
при мысли о его любви...»*

Строки, что остались в памяти Райта, звучали как обращенный к нему призыв. В нем проснулось что-то похожее на сожаление. Он видел в воображении письмо, написанное в далеком прошлом, полное любви и надежд. Сколько в нем нежности, а за ней потаенный упрек. Зов, на который он не умел ответить. Райт перебирал воспоминания. Чем объяснить это чувство? Возможно ли такое? Его рука потянулась к жилетному карману, пальцы нащупали небрежно смятый клочок бумаги. Мэри писала наспех: рано утром, еще до его прихода, она заезжала в музей, Райта не застала и просит непременно зайти к ней в пять. «В пять» трижды подчеркнуто. Это было невозможно: в пять Райта ждал издатель. Он позвонил Мэри и сообщил, что не сможет прийти.

Нет, дело в другом: не этот отказ терзал его теперь.

*

Стакен читал, торжественно повышая голос:

«Живи во веки веков, Бог единственный, нет другого, кроме тебя! Ты сотворил землю по желанию сердца своего, о, Владыка мироздания... Ты в сердце моем».

— Не прекрасно ли, дорогой Райт?

*«Лишь поцелуй его
Живителен для сердца».*

Слова всплыли в памяти Райта, углубив его беспокойство и тоску. А Стакен, словно читая заклинание или загадывая древнюю загадку, все повторял:

«Ты единственный, ты восходишь в образе своем, ты живой и великий, Владыка всего, Владыка неба и Владыка земли, руки наши протянуты к тебе, мы прославляем тебя».

Стакен замолчал и Райт отвернулся. Стакен сидел с чуть откинутой назад головой и выпрямленными руками, как Сфинкс. Его настороженные глаза были полуприкрыты темными ресницами. «Чертовщина какая-то», — промелькнуло в голове у Райта. Ему хотелось что-то сказать Стакелу, во что бы то ни стало развеять эти зловеющие чары.

— Как прекрасно, — шептали влажные губы Стакена.

— Да, это божественно, — против воли подтвердил Райт и тотчас почувствовал неискренность своих слов. Он пришел в себя:

— Извините, господин профессор... Я должен просить вас позволить мне отдохнуть несколько дней. Я чувствую себя неважно.

*

Райт и впрямь чувствовал, что переживает кризис. Что-то застряло в сознании, раскололо мысли. У него не осталось сил связывать воедино прошлое и настоящее. Привычный интерес к прошлому обрел высшее значение. Современность перестала его интересовать: он находил в ней все больше сомнительных, непонятных и скучных черт. Райт бежал настоящего и все глубже погружался в прошлое, а оно раскрывалось новыми гранями, обретало новое содержание. Требование Стакена основываться на строгих исследованиях отступало перед картинами, навеянными не научными данными, а духовным порывом. Они были ближе к тому, что именуется художественным вдохновением.

Мэри... Это нежное, мягкое, такое впечатлительное создание превратилось в мелочную, угловатую, наглуую женщину. Она чужда и непонятна ему, она совсем неинтересной

породы.

Райт написал Стакену. Ему потребуется более продолжительный отпуск: нужно основательно поправить здоровье. Но вместо заботы о здоровье Райт начал приводить в порядок вырезки из журналов, которые множились на его столе наряду с проспектами новых изданий. Приходили и письма с предложениями от издателей, заинтересованных в его новых книгах и статьях — имя и перо доктора Райта стали хорошей рекламой.

Страница летела за страницей — складывалась новая книга. Райт работал до поздней ночи. Он позволил течению унести себя к вымечтанной новой пристани, далекой от современной жизни. Течение убаюкивало его — он забывал ненужную, гнетущую повседневность.

Мэри застала Райта в рассеянности, но не заметила, как отделился он от реальности, поскольку сама была слишком поглощена мыслями об интерьерах их будущего дома. Он поцеловал ее без всякого волнения. Мэри была немного обеспокоена и хотела на ком-то за что-то отыграться. К счастью, не на Райте.

В музее Стакен забрал со стола Райта рукописи, которые должен был прочитать ассистент: неразгаданные загадки гимнов, неустанное стремление древнего духа к познанию вечной божественной мудрости.

*

Пришло томительное лето, мало настраивавшее на работу. Райт, как и раньше, честно ездил в музей. В автобусе видел те же скучные лица, позы и жесты, те же накрашенные губы, напудренные носы и угловатые ручки зонтов.

Глубокая музейная тишина. Внимательный взгляд Стакена. Обычное место у окна. Гора рукописей все не уменьшалась. Стакен больше не раздражал его: Райт не замечал профессора. Стакен был неизбежен, как смерть.

Они редко разговаривали друг с другом. Сдавая работу, он даже не ждал оценки Стакена. Знал, что исправлять там нечего. Все и так было ясно. Профессор, очарованный скоростью работы помощника, разбрасывал по столу листки текстов, на которых писал комментарии. Стакен до сих пор не рассказал Райту о своей быстро продвигавшейся книге; он собирался назвать ее «Религия Египта» и указать на титульном листе две фамилии — свою и Райта. Райт же умалчивал о том, что во время короткого отпуска начал писать книгу под названием «Египетская женщина». Он понимал, что такое заглавие, вероятно, не совсем подходит для научной монографии — но читателей тема заинтересует не меньше, чем его самого.

Мэри злило упрямство Райта — тот все больше отвлекался от планов свадебного путешествия и с безумным рвением погрузился в работу. Обиженная невниманием жениха, она уехала куда-то на море. Райт довольно равнодушно принимал к сведению ее постоянно менявшиеся адреса. На ее открытки отвечал изредка и всегда по-разному: то торопливо набрасывал несколько строк, то начинал подробно рассказывать о своей работе и после безуспешно искал высказанные в письмах соображения в своих записях. Он неохотно отвлекался от работы и находил трудным, почти невозможным думать о чем-либо другом. Райт едва заметил долгое отсутствие невесты — он стал утрачивать чувство времени. Он обитал в ином мире, который каким-то чудом помещался в настоящем. Он так увяз в паутине прошлого, что среди миллионов жителей столицы, в XX веке нашей эры, ощущал себя случайно заблудившимся чужаком.

*

Однажды Райт обратился к Стакену:
— Господин профессор! Недавно вы дали мне в числе

других один источник, совершенно не совпадающий по содержанию с остальными. К сожалению, я не имел возможности детально его просмотреть. Не будете ли вы так добры предоставить его мне для изучения?

Стакен, похожий на хищную птицу, сидел с опущенной головой и словно вознамерился проглотить слова Райта. Он глянул на ассистента искоса и не сразу ответил:

— Я уже понял, что вы имеете в виду, господин доктор. Этот документ — моя собственность и хранится в моей личной коллекции.

— Буду очень рад, если смогу ознакомиться с ним подробнее.

— Надеюсь, что вы найдете среди моих бумаг не менее интересные вещи. В моем собрании имеется немало уникалов и вы можете им пользоваться.

Райт слышал о собрании Стакена. Кое-какие документы были ему известны по цитатам в трудах профессора; но опубликована была лишь небольшая часть материала. Пикок, который, судя по всему, поддерживал тесную связь со Стакеном, только намекал на эти документы и, не описывая само собрание, ограничивался комплиментами, называя его «солидным». Учитывая, что все интересовались коллекцией, было непонятно, по какой причине Стакен так тщательно ее скрывал. Предложение профессора и тем более возможность увидеть его сокровища обрадовали Райта; но в последнее время он настолько отвык от людей, что ощутил замешательство и не знал, стоит ли принять приглашение. Стакен положил ему руку на плечо, чего не позволял себе никогда. От этого жеста все сомнения Райта рассеялись и он покорно произнес:

— Очень рад, господин профессор, я приду, когда вам будет удобно.

— Сегодня в десять вечера. Вас встретят.

В странном настроении шел Стакен по пустынной улице, пересекавшей Кайзераллее. Он принял приглашение Стакена не столько из любопытства, сколько потому, что почувствовал некую роднящую их связь, духовную близость — и теперь в сердце роилось столько надежд, что ему казалось, будто он идет на любовное свидание. Но какой-то голос в глубине сознания нашептывал ему что-то о насилии, о необходимости освобождения. Райт думал о своей книге и вдруг вспомнил Мэри, о которой совсем позабыл во время работы. Он сбился со счета домов и не сразу нашел жилище Стакена. Ворота одного из домов с садом были открыты; светило только окно, выходившее в сад. Это напомнило Райту свет маяка посреди моря. «Значит, здесь и живет Стакен...» — решил он.

В слабом свете, падавшем сверху и отражавшемся от стены, смутно вырисовывалась лестница. На втором пролете стояла на маленькой настенной полочке красная глиняная посуда с чадающим фитилем. На двери медная табличка с надписью: «Стакен».

Райт еще не успел коснуться кнопки звонка, украшенного бронзовой львиной головой, как дверь бесшумно распахнулась — будто отскочила сама собой под воздействием скрытой пружины. Вошел и, опустив глаза, увидел существо, едва доходившее ему до пояса. Это был карлик с несомерно большой головой и старческим, пожелтевшим, увядшим лицом, искаженным гримасой. «Бог Бес, — подумал Райт, — немного кривой, в сером».

Электрическая лампа без абажура, которую внес уродец, осветила Райта и эту карикатуру на человека. Голые стены с крючками, на них висят плащ и шляпа Стакена.

Карлик протянул детскую руку, схватил шляпу и трость и ждал, пока Райт не набросил ему на плечи свой плащ. Маленький человечек, весь нагруженный, исчез за стеной, где слышались шаги. Перед Райтом возник Стакен, заполнив собой весь дверной проем — в широком, светлом, старомодном халате, производившем впечатление священной ризы.

— Очень рад приветствовать вас у себя, — сказал Стакен несколько торжественным тоном, протянув руку Райту. Тот с почтением пожал руку профессора.

Не выпуская руки гостя, Стакен потянул его в полутемную комнату. Из соседней двери, за которой исчез карлик, на паркетный пол упала полоска света. Стакен шел вперед большими шагами. То, что увидел Райт, могло бы быть музейным собранием, хотя и не все в нем отличалось целенаправленностью, характерной для систематических коллекций. Но собрание Стакена не было беспорядочным набором случайных предметов. Все здесь имело внутреннюю связь и жило общей жизнью. Чувствовалось, что Стакен живет той же жизнью. Статуи, пусть и разные, принадлежали к одному семейству. Богиня Бастет с львиной головой и павиан Тот на постаментах перед столом — напоминавшим алтарь, но предназначенным, вероятно, для работы — чувствовали себя как дома. Кувшины на полках у стен выглядели предметами повседневного обихода хозяина.

С первого взгляда можно было оценить научную важность собранных здесь древностей, однако Райта заворожило нечто иное. Он ощутил атмосферу чего-то близкого, родного, словно вернулся в детство, к началу сознательной жизни, когда его окружали любимые вещи. Музейное собрание было близко ему лишь формально, но здесь он точно возвратился в отчий дом после долгого расставания.

Райт снова услышал слова: «Приветствую вас у себя» — и с этими словами вошел Стакен с другим светильником в руке. На нем был уже не старомодный халат, а белое облачение жреца. Райт, избавившись от пальто, шляпы и трости, словно забыл о современности.

Оба сели на низкие кресла. В подсвечниках, наверняка происходивших из древнего святилища, мерцали восковые свечи. Воск капал медленно и тоскливо, заледеневая натеками. Царила мертвая тишина, как будто над этими комнатами нависла вечность.

— Припомните наш разговор, — зазвенел голос Стакена. — ...Я предостерегал вас от искушений на пути ученого, который чает добраться до святой святых мудрости, сокры-

той ушедшими веками. Только немногим это удастся. Но все запретное манит... Я пытался подчеркнуть опасность соблазнительной красоты старинных форм жизни, ибо она препятствует познанию истины. Вняли ли вы моим предупреждениям?

— Нет, — ответил Стакен за Райта. — Что ж, я видел, как ваши представления о прошлом обращаются в прах. Мудрец прозревает путь вечного солнца, а глупец радуется, когда солнце восходит, и грустит, как оно заходит. Бесстрастная вечная мудрость не знает ни печали, ни радости. Она знает только себя и черпает из себя самой.

Это поучение, произнесенное с глубокой убежденностью и одновременно правоверным фанатизмом, не произвело особого впечатления на Райта. Слова хотели подчинить его себе, но лишь укрепили его собственную веру в правильность избранного пути.

А Стакен продолжал:

— С той минуты, когда вы ступили на небезопасный путь исследования жизненных форм, вы начали им поддаваться. Не вы становитесь над жизнью, но она побеждает вас.

Раздражение Райта нарастало. Он следил острым взглядом за шевелящимися губами профессора. «Способен ли Стакен кого-либо поцеловать?» — подумал он.

То, что говорил Стакен, уже было изложено в книгах профессора. Он славился как знаток египетского мировоззрения, авторитет в иероглифике, живой представитель угасших истин, защитник таинственных образов, что более тысячи лет повторялись как нечто неизменное, но для всех, даже жрецов — непонятное, вплоть до окончательного упадка Египта.

Какие желания может испытывать этот бездушный человек, нелюдимый фанатик с иссохшими веками, похожими на пожелтевшие листья?

В Райте проснулось воспоминание о жаждущем взгляде. Мэри? Нет, нет... Сабина Гропиус? Нет; она всегда поворачивалась к нему своим египетским профилем, но никогда не смотрела прямо. Чьи же это могли быть глаза?

*От милого я вышла,
И сердце замирает
При мысли о его любви.*

— Да, дорогой Райт, еще не поздно. Я понимаю, что вы следуете порыву, но истина должна быть выше этого.

— Господин профессор, вы обещали показать мне рукопись.

Наступила тишина — слышен был только шелест бумаги, судорожно скомканной в пальцах Стакена.

— Вас действительно интересует подобная дребедень?

Стакен поднялся и подошел к столу, где лежал заранее, видимо, отобранный папирус. Поднес его к глазам, глянул и пренебрежительно скривил губы.

Райту почудилось, что на этом древнем послании написан его адрес — в нем будто содержалось что-то опасное для профессора и тот колебался, раздумывая, стоит ли передавать письмо в чужие руки и открывать врагу имя автора.

— Вы обещали мне...

Стакен наклонился, словно наслаждаясь своими медленными движениями, и прочитал строфу:

— «Лишь поцелуй его живителен для сердца....» Какая чужь!

Медленно свернул папирус и взвесил его в руках. Райт сдержал вздох: «Что, если этот тысячеletний зов рассыпется в пыль...?»

Стакен поднял руку, а Райт протянул свои, чтобы взять опороченную профессором драгоценность. Стакен еще выше поднял руку над сложенными, как в мольбе, ладонями. Поднес свиток к огню, пламя охватило его и ярко вспыхнуло. Райт вскочил на ноги и схватил Стакена за плечо. Но он опоздал: папирус взвился дымом — на стол упали испепеленные жаром клочья. На них еще виднелись отдельные знаки, как последние судороги умирающего, как последнее прощание.

— Почему вы это сделали? — тихо спросил Райт.

— Я никогда не простил бы себе, если каким-либо образом поддержал бы ваше бегство от истины.

Он указал на каменный сосуд с крышкой в виде головы шакала:

— Там пепел. Много рукописей постигла та же судьба. Никто не может попрекнуть меня тем, что я не сохранил для живых писания, которые должны были исчезнуть во прахе вместе с умершими.

Райт молчал. Почерневшие фрагменты папируса покрывали стол, как листья кладбищенского венка — напоминающая об окончательности утраты.

— Вы ошибаетесь, господин профессор, и я докажу это вам не здесь и не теперь, а в своей книге.

— Еще одна новая книга?

— Да, книга о радости и о жизни. О том, чего вы не понимаете и никогда не поймете.

— Вы бросаете мне вызов?

— Да, вызов, если хотите.

— Берегитесь, Райт.

— Должен ли я понимать этот как угрозу?

— Если пожелаете.

Карлик шел впереди с маленькой керосиновой лампой. Он долго не мог попасть ключом в замок. На улице, обнявшись, стояла какая-то влюбленная пара, даже не заметившая Райта. Он с минуту простоял, не в силах сообразить, в какую сторону идти.

Безумец Стакен!

*

Когда Райт явился на следующий день в музей, Стакен был уже там. Райт тщетно ожидал услышать очередные упреки — тогда он мог бы попросить у Стакена разрешения работать не в директорском кабинете, а в библиотеке. Но Стакен опередил его:

— Я считаю, господин доктор, что наши приватные беседы никак не должны сказываться на выполнении вами ваших прямых обязанностей. Я просил бы вас закончить порученную вам работу здесь, за этим столом. Не сомневаюсь, что вы завершите ее так же блестяще, как начали.

Райт поклонился и пошел на свое место. Груда приготовленных материалов, казалось, за ночь увеличилась. Стакен принес из дома новые свитки, надеясь, не иначе, распалить сердца всех египтологов, принадлежавших к его единомышленникам. В числе рукописей были и такие, что могли бы озолотить владельца. Не было сомнений, что появление этих текстов в печати вызовет сенсацию.

Да, Стакен снабдил свою мышеловку испытанной приманкой. Он, как охотник, следил за движениями Райта, который изучал новые материалы.

Райт берет пострадавший от времени папирус. Осторожно разворачивает его и медленно присматривается к иероглифам. В эту минуту он должен быть уверен, что перед ним открываются врата, в которые не входил еще ни один современник. Это ключ к мудрости. Читать, пока не отведаешь плод знания. Райт медленно вчитывается... Дальше! осторожнее! смотри! углубись! и будешь сам, как боги!...

Так же бережно и медленно Райт сворачивает папирус и откладывает его в сторону рядом с другими. С безразличным видом выбирает между ними, наконец останавливается на одном свитке и погружается в работу. То улыбнется и отложит рукопись, то, не заметив, пройдет мимо сокровищ.

*

Мэри, судя по редким открыткам, замечательно проводила время. Было ясно, что свои приветствия она писала впопыхах, где-то по ресторанам, заодно с открытками к другим. Эти весточки издавала с неизменным «целую» звучали не слишком нежно. В них не чувствовалось ни сильной тоски по жениху, ни желания поскорее вернуться. Да и

к чему? Свадьба и так назначена на осень. Все решено, зачем же волноваться?

*

Книга Райта быстро продвигалась вперед. Он написал английским издателям. Предложение издать английский перевод до появления немецкой версии они восприняли с нескрываемой радостью. Все это было не просто прихотью Райта, а маневром, направленным против Стакена. Райт знал, что лучше всего его книгу встретят в Англии, где так восхищались египетскими раскопками последних лет (некоторые считали их даже предметом национальной гордости). Признание, восхищение его трудом — вот козыри в его игре.

Англичане не заставили долго ждать. Объявления о выходе новой книги в сопровождении хвалебных отзывов критики о предыдущих работах Райта появились как раз в те дни, когда он дописывал последние страницы заветного сочинения.

«Что вы теперь скажете, господин профессор Стакен?!»

*

Стакен не сказал ничего. На следующий день он с кислой улыбкой показал Райту страницу английского научного журнала, на которой крупными буквами значилось:

Новая книга Роберта Райта!

ЕГИПЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА

Исследование по истории культуры

Богато иллюстрированное издание

Принимаем предварительные заказы

Остро отточенный ноготь, как коготь, дошел до слова «женщина» и так глубоко впился в бумагу, что оставил на ней черту.

— Женщина? — со странной интонацией спросил Стакен. — Египетская? — и его увядшие ресницы наполовину прикрыли черные глаза. — Если не ошибаюсь, вы намереваетесь жениться, доктор?

— Будет ли у вас на сегодня для меня, господин профессор, какое-либо особое задание? — холодно, с поднятой головой спросил Райт, чувствуя, как в нем взметается волна протеста.

Старческое бормотание:

— Профессору Стакену не может быть безразлично, чем занимаются его ученики.

Повысил голос и продолжал:

— Доктор Райт является ассистентом в египетском музея Берлина. Почему вы не добавили это звание к своей фамилии? Попрошу вас на минуточку, господин доктор...

Райт подошел ближе. Стакен протянул ему корректуру проспекта:

ИДЕЯ ВЕРХОВНОГО БОЖЕСТВА В ЕГИПЕТСКОЙ РЕЛИГИИ

На основе неопубликованных источников

Авторы

Проф. Стакен,

директор Музея в Берлине

и

Д-р. Райт, ассистент

— Вы очень помогли мне с переводами, — с нажимом добавил Стакен. — Но вы должны еще многому научиться. Вы должны...

— Благодарю за честь, господин профессор, но я предпочел бы, чтобы вы вычеркнули мою фамилию. Собственно, я попросил бы вас ее вычеркнуть.

— Этого я не сделаю, господин доктор. Я не могу лишить вас того, на что вы имеете полное право, даже если не хотите этим воспользоваться. Простите, что оторвал вас от работы.

«Этот старик невыносим. Вновь насилует меня. Что связывает меня с ним?» — и на эти вопросы сам ответил себе: «Чувство сыновнего уважения, странная близость, непонятная зависимость, которая может окончиться только со смертью одного из нас...»

Райт снова чувствовал на себе взгляд черных глаз: они сверлили его затылок, точно пытались уследить за его мыслями. Пока Райт работал над книгой, он весь принадлежал раскрывавшемуся перед ним миру, и все будничные заботы и неприятности исчезали, отступали в сторону. Но сейчас, закончив работу, он вновь был беззащитен. Стакен лишил его свободы и сковал ему руки.

Райт вспомнил своего отца Карла Райта, которого дома называли Чарльзом. Отец, даже живя в Германии, сохранил манеры прирожденного англичанина. Был он человеком своевольным и уверенным, что весь мир существует только для него. Его прадед перебрался из Англии в Германию в начале XIX века и перенес на континент все обычаи британского королевства. Он занимал видное положение при маленьком дворе одного германского княжества и гордился тем, что почти единолично диктовал внутреннюю и внешнюю политику миниатюрного государства. Роберт Райт унаследовал от этого английского эмигранта упорство, силу воли и привычку противостоять любому насилию. Он, как джентльмен, следовал неписаным законам, владел со-

бой и был сдержан. Такое поведение не позволяло ему слишком громко отстаивать свои права, чем нередко грешили его соплеменники. Райт считал, что Стакен ведет себя не по-джентльменски, вмешиваясь в его жизнь, но эта мысль пришла к нему достаточно поздно — лишь тогда, когда он начал чувствовать, что подпал под настырную опеку Стакена.

*

Мэри приехала, ничего не сообщив заранее о своем возвращении. Проснувшись утром, Райт услышал ее резкий голос:

— Роберт, я могу войти?

«Лезет, как освоившаяся кошка», — подумал Райт.

— Одну минуту!

Мэри сказала ему несколько слов через дверь и прошла в боковую комнату, откуда стали долетать отрывистые фразы. Не успел он одеться, как она снова его позвала. Райт вышел. Мэри уже расселась перед кофейником, как хозяйка. Он поклонился и поцеловал ее протянутую руку. Она подставила для поцелуя лоб и глаза. Мэри выглядела хорошо отдохнувшей, загорела, но черты ее казались простоватыми и чуть погрубевшими. Райт сел рядом и спросил себя, не послужит ли она противовесом Стакену.

Нет, он не мог надеяться на ее помощь. Через несколько минут она разнежилась и стала надувать кокетливо сложенные губки. Но Райту было не до шуток.

— Что ты делал без меня? — спросила Мэри.

«В своих письмах она до сих пор этим не поинтересовалась», — промелькнула мысль.

— Я писал книгу и на днях ее закончил.

— Ты уже продал ее?

«Настоящая дочь Ландсберга», — подумал он.

— Да, англичанам.

Мэри по-детски захлопала в ладоши и начала подробно расспрашивать о гонораре. Лишь после мельком поинтересовалась содержанием книги.

— Я буду ее читать, — заявила торжественно.

*

Райта начали посещать странные мысли. Для чего вообще ему Мэри? Сможет ли она соответствовать его духовным потребностям? Она и прежде не была ему близка, а теперь показалась просто-напросто чуждой тому миру, в котором он жил. Искал ли он женской нежности? Да, но не той, какую нашел, когда, спасаясь от Стакена, угодил в ее объятия. Теперь он нашел иное прибежище — в мире далекого прошлого с его радостями и горестями. Его душа жила там, а тело пребывало средь будничной суеты.

*

Ландсберг, отец Мэри, — который на протяжении летних месяцев где-то пропадал и только один раз дал о себе знать открыткой из какого-то итальянского городка — вернулся в город и внезапно вспомнил о назначенной свадьбе дочери. С этого дня он вспоминал о ней все чаще и охотно останавливался на этой теме. При этом он почему-то упоминал о ремонте дома, словно хотел побыстрее избавиться от дочери. Мэри быстро все поняла.

Она сидела в глубоком кресле, закинув ногу на ногу и сложив руки на колене. Быстро глянув на отца, рассматривавшего пепел на сигаре, Мэри начала:

— Ты хотел бы остаться один. Думаешь, никто не замечает твоих ухищрений? Или считаешь, что я не понимаю,

почему ты вдруг стал так заботиться о моем счастье? Но я не покину этот дом...

Ландсберг перестал смотреть на пепел.

— Ага! перепугался! Какой ты наивный: я не покину этот дом, пока не получу от тебя того, что мне причитается. А после можешь заниматься какими угодно глупостями.

— Чего ты хочешь от меня? — ответил Ландсберг неуверенно-усталым голосом. Такие разговоры с дочерью всегда лишили его спокойствия.

— Деньги на стол!

Отец и дочь тотчас сдвинули кресла и начали торговаться. Высокие стороны весьма охотно шли на уступки.

Когда пришли к взаимопониманию и Ландсберг, подписав документ, опустил крышку своего американского бюро, Мэри, довольная победой, поцеловала отца в лоб.

Райт написал Пикоку и получил очень вежливый ответ, а также несколько рекомендательных писем. Одно из них было очень ценным. Лорд Карнарвон уже много лет занимался раскопками и имел богатый опыт. Несомненно, дружеское поручительство такого светоча науки, как Пикок, обеспечит Райту самое любезное отношение со стороны лорда.

«Я не имею ни малейших сомнений, — писал Пикок, — что лорд К., мой добрый приятель, окажет Вам всемерную поддержку. Он располагает точным планом действий и план его настолько обширен, что охватывает все неисследованные участки. Ваш земляк Шенфельд работает вместе с лордом на территории, которую тот уступил ему для раскопок. Карнарвон располагает хорошо подготовленными и вышколенными работниками, которыми он может частично поступиться, если позволит ход работ.

Меня живо заинтересовал папирус, попавший в Ваши руки. Однако имя Нефрет, как Вы сами знаете, мало о чем говорит. Оно такое же распространенное, как у нас — Мэри или в Германии — Гретхен. “У нас, у вас...” Меня радует мысль, что в жилах моего молодого, но уже знаменитого коллеги течет английская кровь. Я верю в Вашу путеводную звезду.

На основании присланных фрагментов, которые Вы успели запомнить, можно заключить, что Нефрет являлась, вероятней всего, дочерью какого-либо придворного, а возможно, и самого фараона. Не исключено, что она идентична Нефернефрузе — пятой дочери Эхнатона; последняя родилась за четыре года до смерти отца, а затем жила у своей сестры Ан-хес-анпа-атон, жены Тут-анх-амона. Быть может, судьба Вам улыбнется и благодаря удачному стечению обстоятельств Вы обнаружите ее мумию и тексты ее стихов? Вы добудете славу первооткрывателя старейших литературных памятников! Если же подобных источников (один из которых, по счастью, попал к Вам) окажется не так много, Вы все равно сумеете на основании их доказать, какое чистейшее вдохновение жило в этой египетской поэте и как понятны нам и сегодня попытки поэтического высказывания, отделенные от нас бездной трех тысяч лет...»

Найти гробницу Нефрет и ее поэзии! Вдохнуть безмятежно-нежное веяние ее любви!

Эта мысль проснулась в Райте, как мечта о желанной встрече. И с этой минуты его прежде смутное желание обрело отчетливую форму: цель — найти Нефрет. Волнение юношеских лет, когда он пережил короткий роман с молоденькой дальней родственницей — теперь, как любовный пожар, озарило всю его душу.

Чепуха. Что за изнеженные романтические бредни!

Еще раз перечитал письмо Пикока. Да. Встреча близится. Далекое прошлое вновь ожило.

Зерно, что покоилось глубоко в земле, проросло. Оно казалось мертвым, но теперь снова зацвело...

«Что это со мной?»

Райт оделся и позвонил Мэри. Нигде не смог ее найти.

На улицу! К людям, в толпу, к шуму, свету, в поток живых, современных людей!

И Райт погрузился в человеческое море.

Разрыв с Мэри казался Райту простейшей развязкой — он не понимал, зачем должен был жениться, не находил причин связывать себя с чужим для него миром. Но что-то останавливало его, мешало сделать решительный шаг. Речь шла не о Мэри, а том, что брак был единственным выходом, позволявшим вырваться из заколдованного круга Стакена. Надо было разорвать тесные оковы схемы. Спрятавшись под крылышком Мэри, он оградит себя от Стакена неприступными стенами.

Невнятный внутренний голос нашептывал, что он нашел не ту, в ком нуждался. Но только Мэри, и никто другой, относилась к нему с неизменной нежностью. Ее страстная, легко вспыхивавшая и так же легко гаснувшая натура, без сомнения, отвечала ему взаимностью. Эта взаимность, складывавшаяся из пустых встреч, проявлялась больше в сближении двух тел, нежели душ. Упреком или мольбой звучали в душе уничтоженные Стакеном слова Нефрет, которые теперь больно жгли его:

*Лишь поцелуй его
Живителен для сердца.*

Райт сообщил Стакену о своей женитьбе и попросил предоставить ему отпуск, точнее — официально командировать его в Египет.

Стакен внимательно взглянул на Райта. Профессор давно не смотрел Райту прямо в глаза: в последнее время его взгляд сделался каким-то косым, болезненно угнетающим. Взгляд старика, обычно бередивший сознание, парализовавший всякую волю — падал теперь искоса и дразнил, обессиливал Райта. В нем можно было прочесть: «Мне незачем утруждаться — ведь я настолько уверен в себе, что мне достаточно скользнуть по тебе взглядом. Ты принадлежишь мне и не вырвешься из моей хватки». Райта подгонял теперь не прямой взор, а этот косой, уклончивый взгляд, который он все время ощущал за спиной. Куда бы он ни повернулся, что бы ни делал, как ни бежал от современности в

поисках убежища в прошлом — повсюду был невидимый, треклятый, вездесущий Стакен.

Стакен взглянул на него каменным взором, как орел, как коршун, как сокол:

— Вы женитесь? — и голос его донесся словно издалека. — А вы не боитесь, что это повлияет на вашу работу, мешает смотреть на вещи объективно?

Стакен продолжал говорить, будто и не надеялся услышать ответ, тоном проповедника:

— Вечное присутствие постороннего человека — имейте в виду, что ученый должен быть одинок! — не приносит никакой пользы для работы. Следовательно, без такого общества можно обойтись. Когда же этим человеком вдобавок выступает женщина, ее присутствие становится невыносимым, ибо женщина только и стремится чем-то заполнить свою пустую душу. Она будет не переставая болтать и захочет обратить на себя внимание толпы бездельников. Женщине все равно, чем привлекать внимание к своей персоне: нарядом по последней моде или славой мужа. Горе тому, кто становится лишь предметом чужого удовольствия! Знание человека, который делается игрушкой в чужих руках, суживается и обесценивается, как монета, переходящая из рук в руки, пока совсем не изотрется. Истинное знание доступно только немногочисленным наследникам великих сокровищ...

Райт вспомнил высказанное Мэри пожелание: она хотела устраивать в доме, кроме литературно-музыкальных вечеров, еще и научные. Она уже завязала знакомства с известными музыкантами и художниками. Райт не желал даже думать о вечерах: они нарушили бы упорядоченное течение жизни.

— И любая попытка, — продолжал Стакен, — сделать знание доступным для тех, кто недостойн его величия, есть предательство по отношению к посвященным. А предательство никогда не остается без отмщения.

Стакен наклонился вперед и стал еще больше походить на хищную египетскую птицу.

Угрозы никогда не пугали Райта, лишь пробуждали и усиливали в нем дух сопротивления.

— Я получил письмо от Пикок с предложением принять участие в раскопках лорда Карнарвона.

— Пикок вам писал?

Вместо ответа Райт достал из кармана письмо и положил перед Стакеном. Стакен прочитал и сказал сухо:

— Вас командировывают в Египет.

Прозвучало это так, как будто профессор собирался сказать: «Если тебе так хочется, получишь свое. Сам убедишься, чем это пахнет. Пожалеешь, но будет поздно».

Райт взял письмо, дрожавшее в руке Стакена, поклонился и вернулся к своей работе.

*

Женитьба и путешествие в Египет сливались в его сознании в одно — бегство от Стакена. Билеты были заказаны, дорожные принадлежности, которым Райт всегда придавал большое значение — куплены. Дома блестели кожаные плоские чемоданы с железными уголками, пахнущие духами несессеры, серебряные и хрустальные предметы. Комната Райта на Штайнплац казалась ограбленной, полки опустели — книги были перевезены в Грюнвальд. Только письменный стол еще сохранял привычный вид. Несколько любимых фотографий также оставались на месте — замечательные творения неизвестных египетских мастеров смотрели каменными глазами в вечность.

Мэри была очень взволнована и утомлена подготовкой к путешествию и непрерывной примеркой платьев. Даже разговаривала меньше обычного.

Когда Ландсберга спрашивали о свадьбе дочери, он отвечал несколько боязливо. Его трудно было застать дома, а в конторе он принимал каких-то таинственных посетителей. Полюбил ходить по кафе. Медленно, молча попивал ли-

керы и просиживал целые часы в унылой задумчивости. Возможно, он пытался избежать встреч с Мэри. Отворачивался от знакомых, словно те ему надоели; заметив это, люди насмешливо улыбались. Ландсберг был чем-то сильно опечален и его глаза неуверенно бегали.

*

В свадебном платье Мэри выглядела необычайно красивой. Обычная холодноватость сменилась большей свободой движений и немного трогательной, мягкой несмелостью. Временами Райту казалось, что он приблизился к разгадке тайны, терзавшей его несколько месяцев. Совсем как в детской игре, когда кто-то ищет спрятанную вещь и ему кричат: «холодно», «тепло», «горячо», Райт чувствовал, что всякий раз подходил ближе к то холодной, то снова горячей волне, вздымавшейся и опадавшей. Встречаясь взглядом с Мэри, он находил в ее глазах полное доверие, что-то, о чем тосковал, но всегда неясное. Ему хотелось разорвать пелену, за которой скрывался бесценный клад. Само имя «Мэри» будоражило его кровь. Произнося его, он невольно вкладывал в это имя смысл, который оно несло на мертвом языке: «Мэри-нери» — египетское «любить». Но стоило Райту ощутить себя на пороге разгадки, что-то нашептывало ему: «Холодно, холодно, холодно...».

*

Когда старенький седой священник с моложаво-розовым лицом начал знакомым проникновенным голосом повторять слова брачного обряда, Райту показалось, что он

уже совершил первый шаг к счастью, пусть до цели было еще далеко. Он благодарно поцеловал Мэри.

Ландсберг нервно слонялся по комнатам, гости были праздничными и совершенно лишними. Таким же праздничным и лишним был и обед.

Наконец молодые сбежали от назойливых пожеланий разошедшихся гостей и очутились в авто. Райт внимательно вгляделся в лицо своей жены и подруги жизни.

— Хотел бы я, чтобы ты смогла увидеть Египет моими глазами, — сказал он, обнимая Мэри.

Она посмотрела на него снизу, и в ее лице появилось что-то умоляющее. Подставила глаза для поцелуя. Мэри тоже чувствовала, что отныне для нее начинается новая жизнь: все прежнее исчезает, новое ждет впереди, проступает в бесконечно далекой заманчивой дали. Но тот, кому она дарила свои ласки, тонул в забвенье, как тень.

Ее отец все охотней часами просиживал в кафе, проводил все больше совещаний и все чаще выезжал. Казалось, к нему вернулась молодость. Ландсберга давно уже никто не видел таким оживленным — объемистый живот исчез, как не было, умные глаза блестели. В контору приезжали почтенные господа с туго набитыми бумажниками и наполняли комнаты дымом дорогих сигар. Вскоре в обществе пошли разговоры: «Вы слышали? Ландсберг...» Да, он собирался жениться и производил впечатление спортсмена, который приберегает силы для решительного броска и твердо намерен первым достичь финиша. Между тем, за это время он удвоил и даже утроил тот капитал, что уступил Мэри.

*

В холле железнодорожного вокзала Райту показалось, что в толпе промелькнул Стакен: он, согнув плечи, шел по лестнице. Райт пригляделся — не ошибся ли он? Нет, эта старческая походка была ему хорошо знакома. «Стакен?

с чего бы?» — подумал Райт, отдавая распоряжения носильщику.

Перед спальным вагоном Райт вдруг снова увидел Стакена: могло показаться, что старик за кем-то следит. Он с такой силой опирался на трость, будто хотел вдавить ее в камень перрона — и сам словно окаменел в своем грубом старомодном пальто и шарфе вокруг шеи. Стакен смотрел пристально и строго; приподнял шляпу и раздвинул губы, здороваясь:

— Я пришел, дорогой Райт, пожелать вам....

Слово «пожелать» прозвучало растянуто, злобно и чуть ли не насмешливо.

— Я пришел пожелать вам счастливого пути и попрощаться с вами...

— Моя жена — профессор Стакен, — представил их Райт, когда приблизилась Мэри.

На старческих губах появилась улыбка:

— Актриса? Поэтесса? — и задержал ее руку в своей. — Ваш муж очень любит женскую поэзию...

Мэри высвободила руку, пытливо и смущенно взглянула на мужа.

— Не забудьте расспросить мужа о египетской любовной поэзии, особенно об одной рукописи.

Это уже, несомненно, была насмешка, к тому же злобная..

— Профессор имеет в виду замечательное художественное произведение, которое он счел нужным уничтожить, — ответил Райт и взял Мэри за руку, словно стремясь ее защитить.

— Извините, господин профессор, нам пора с вами попрощаться, — и повернулся к дверце вагона.

Стакен вытащил из кармана конверт и протянул письмо Райту.

— Пожалуйста, передайте это письмо директору музея в Каире, — и отступил от вагона, уходя от прощального рукопожатия.

Кондуктор крикнул: «Прошу садиться!» Райт показался в окне вагона.

Стакен стоял перед ним, как каменная статуя. Одну ногу выдвинул вперед, руку опустил, в другой держал трость, сжимая ее посередине и прижав к груди. Несколько разряженных дам и франтоватых молодых людей сопровождали кого-то к вагону. Стакен маячил среди них грязным пятном. Стоял, как унылая руина, не замечая ничего вокруг. Его взгляд остановился на Райте, который застыл за окном, прижимая к стеклу ладони, как зачарованный. Утонул в бездне глаз своего учителя. Вагон двинулся с места. Стакен провожал его глазами, впившись в неподвижный силуэт Райта за окном. Когда Стакен скрылся из глаз, Райт, пошатываясь, подошел к дивану и бессильно упал на свое место.

— Что за странный человек этот Стакен... Как ты считаешь? — спросила Мэри.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОИСКИ

Ландсберг получил письмо с египетской маркой. От Мэри из Каира. Его особенно заинтересовал один отрывок из ее рассказа:

«...Не будь при мне моего Робби, я впала бы в отчаяние. Египет — самое скучное и самое серое место в мире. Он хорош только на картинках. Арабы — невозможный народ: крикливые, назойливые и вонючие. Пирамиды — огромные кучи камней; мне достаточно фотографий. Не понимаю Робби. Целые дни просиживает в музее, часто ездит с одним знакомым англичанином на раскопки и говорит, что должен найти какую-то гробницу. Он накупил здесь много всяких диковин, и наша комната буквально ломится от древностей. Хорошо, что я недавно велела перенести их в кабинет Робби. Но это вряд ли поможет, и вскоре они заполнят оба номера. Представляешь себе, как он страдал, когда был вынужден помогать мне наводить порядок? Но я не сержусь на него — он очень милый. Я мечтаю о Берлине и стараюсь уговорить Робби вернуться как можно скорее...»

Далее Мэри упоминала достопримечательности, которые они успели осмотреть вместе или поодиночке.

*

В Египте Райт весь отдался новым впечатлениям. Вероятно, все то, что он в избытке впитал за годы научной работы, сказалось на его образе мысли и картины жизни

Древнего Египта с поразительной отчетливостью врезались в его чуткую память. Во всяком случае, исторические памятники, которые с таким любопытством осматривают путешественники, были Райту слишком хорошо знакомы, и он не хотел тратить на них время.

При первой же встрече с директором музея он проявил поразительное знание египетской жизни и обычаев. Директор, прочитав письмо Стакена, принял Райта необыкновенно радушно и говорил с ним открыто, как с посвященным в великую тайну. Он даже показал гостю незавершенный проект, касавшийся реставрации недавно раскопанного маленького святилища.

Райт схватился за карандаш и начал набрасывать на листке бумаги план здания. На минуту задумался, будто вспоминая что-то забытое. Его набросок существенно отличался от чертежа директора, который был удивлен самоуверенностью молодого исследователя. Последовал короткий спор, в ходе которого Райт с полным спокойствием привел самые убедительные доказательства и опроверг все аргументы директора. Он говорил с убежденностью очевидца. Фотографии, которыми директор пытался подкрепить свои доводы, Райт сумел сложить в такое гармоничное целое, что возразить было нечего.

«Этот юноша далеко пойдет», — подумал директор, распрощавшись с Райтом.

Райт и впрямь был молод, а когда воодушевлялся, выглядел еще моложе.

Их дальнейшие беседы окончательно приняли дружеский характер. Директор избрал теперь более осторожную тактику. В ответ на ловко поставленные вопросы он получал от Райта подробные разъяснения и затем немного дополнял их, благодаря чему создавалось впечатление, что он писал о вещах, прекрасно ему известных. Райт не замечал этих уловок и охотно разрешал затруднения директора, ничуть не претендуя на авторские права.

Одна из таких бесед с директором едва не завершилась неприятной стычкой. В этом разговоре принимал участие и третий собеседник — лорд Карнарвон, недавно вернув-

шийся в Каир.

Лорд рассказывал о своих сенсационных раскопках. Не скрывая удовольствия коллекционера, показывал фотографии. Его находки бесспорно превосходили все найденное до сих пор; среди них были изысканные произведения великих неизвестных мастеров.

Директор говорил осторожно и воздерживался от осуждения. Но наконец, покраснев, он с некоторым волнением сказал:

— Я не понимаю вашего пристрастия к осквернению могил. Повседневная жизнь египтян нам хорошо известна, и на основании этого мы можем воссоздать картину их духовной жизни. Зачем же еще и вторгаться в их гробницы...? Вы первым, — обратился он к лорду, — начали бы протестовать, оскверни кто-либо почитаемые вами как святыню гробницы в Вестминстере или вздумай раскопать могилы ваших уважаемых предков, как вы поступаете с египтянами. Я не сомневаюсь, что коллекционер или обыкновенный смертный может найти там немало интересного для себя. Ваш род стал частью истории Англии и упоминается у многих знаменитых авторов. Но вы позволили бы сделать хотя бы один снимок с бранных останков одного из ваших славных предков и опубликовать его в иллюстрированных журналах по всему миру? А в Египте это позволительно — наши мертвые, дескать, стали достоянием истории... Не подумайте, что я втайне интригую против вас. Нет, я говорю открыто — я приму все меры к тому, чтобы помешать вам тревожить покой умерших.

— Благодарю за откровенность. Я всегда предпочитаю знать врага в лицо. Я не откажусь от поисков вещей, которые, по моему мнению, грешно было бы оставить в земле. Перед нами открывается новый мир. Старые, забытые нами традиции должны снова возродиться. Наша художественная культура, траченная мраморами из высохшего эллинского источника — погибает! Египет таит в себе красоту, остававшуюся в забвении тысячи лет. Сокровищ его хватит на много поколений. Сегодняшняя купеческо-mercан- тильная эпоха обязана измениться. Духовные богатства Егип-

та лежат как капитал, который неуклонно рос за счет процентов, и неудивительно, что нас ошеломляют все новые и неожиданные открытия. Добыть как можно больше этих богатств я считаю задачей всей своей жизни. Только незначительная их часть представлена в наших музеях. Но важнее всего не статуи, не папирусы, а те мелочи, в которых проявляется любовь к жизни и понимание красоты, тот свойственный Египту дух, что так близок и понятен нам, ибо мы уже по горло насытились эллинизмом и начинаем отходить от него!

— Грабители могил, — чуть слышно прошептал директор сквозь зубы.

О Карнарвоне рассказывали, что он, несмотря на внешний облик спортсмена, питал тягу к изящному, был необыкновенно впечатлителен и во время игры в гольф составлял в уме сонеты. Однажды он продал за бесценок свое собрание прерафаэлитов и гобелены из мастерской Уильяма Морриса — и предпочел обить стены кабинета обычной серой тканью без всяких украшений.

Три года он посвятил занятиям в музеях Каира, Берлине и Париже. Когда вернулся, повесил в большой зале изображение многорукого солнца, которое нарисовал, как он уверял, один известный художник. После этого лорд продал половину своих угодий, уехал в Египет и здесь, по выражению директора, принялся «осквернять могилы». В Англию он высылал ящики с находками, выписывая на фрахте «без означенной ценности». Следуя своему вкусу, Карнарвон приобретал произведения, которые после вдохновляли утонченных художников, приводили в восторг любителей искусств и даже широкую публику покоряли своим очарованием.

— Я присоединяюсь к мнению лорда, — заметил Райт, желая прервать неловкое молчание. — Но для меня те мелочи, что так захватывают его, являются не целью, а только средством. Мне хотелось бы — если это вообще возможно — оживить те впечатления, которые отразились в достойных восхищения, хотя и не очень многочисленных литературных памятниках.

— И для этого необходимо тревожить покой мертвецов? — прошипел директор.

— Возможно, таким способом мы сумеем вернуть мертвых к жизни, — ответил Райт.

Лорд пожал Райту руку и вышел.

Встреча в музее сблизила Райта и лорда Карнарвона. Рекомендательное письмо Пиккока было уже ни к чему: они разделяли одинаковые взгляды на раскопки. Лорд произвел на Мэри очень симпатичное впечатление, которое после первого посещения его дома укрепилось еще больше. Этот дом, напоминавший музей, пробудил любопытство Мэри. Все то, что лорд оставил в своем личном собрании, отличалось безукоризненным совершенством. Аккуратно расставлять подобные сокровища на полках или прятать в стеклянных шкафах Карнарвон считал проявлением дурного вкуса. Предметы были размещены так, что домашний музей производил впечатление жилого помещения, где этими предметами пользуются. Казалось, современник создавших их мастеров каким-то чудом пережил тысячелетия и только что вышел из дома, куда вот-вот вернется.

Особое обаяние придавал дому лорда распорядок, целиком заимствованный из английской жизни. Традиционные часы обеда, чая или ужина соблюдались так же свято, как в Лондоне. В одежде лорд не позволял себе никаких уступок жаркому южному климату. Но на раскопках он жил в палатке и из взыскательно одетого лондонского джентльмена превращался в охотника или золотоискателя: здесь он предпочитал более удобную одежду, позволявшую свободно карабкаться по скалам, ползать и копаться в земле.

Мэри решила, что сразу по возвращении в Берлин переделает свой дом на английский манер. Так можно будет скрыть отсутствие знатной родословной. Английская фамилия мужа и дом, устроенный по английскому образцу, почти равнялись аристократическому гербу, которого ей, увы, не хватало. У семьи Райта был когда-то герб, но позабылся с годами. Приятно было бы украсить дворянской эмблемой бумагу для писем и дверцу авто. Райт получил недвусмысленный приказ немедленно, как только они вернут-

ся в Берлин, заняться восстановлением своего генеалогического древа. Для начала Мэри удовлетворилась платьями по английской моде, стала подражать походке и жестам англичанок и начала брать уроки английского языка.

Пока что о скором возвращении не приходилось и думать. С каждым разом ее доводы в разговорах с Райтом казались все более неубедительными. До сих пор они совершали частые, хотя и короткие прогулки, но теперь Райт заявил, что должен выехать на раскопки. Мэри с обидой поджала и надула губы, как ребенок, схватила мужа за галстук и плаксиво сказала:

— А я все время одна, ужасно одна... Ты не хотел бы остаться?

— Нет, дело не терпит, я должен ехать.

Мэри глубоко вздохнула.

*

Карнарвон вел раскопки в Долине царей. Лорд упорно шел к неведомой цели, о которой ничего не говорил Райту. Райт, со своей стороны, молчал о поставленной им перед собой задаче — найти гробницу Нефрет. Это стало смыслом его жизни, ради этого он сюда и приехал. Но он отдавал себе отчет, насколько трудной и смелой была задача — точно он вознамерился найти потерянную в море жемчужину.

В приступе откровенности, непонятном ему самому, он рассказал Карнарвону о сожженной Стакеном рукописи.

— Современные жрецы, совсем как в древности, ищут решений на небесах. В Берлине я познакомился с вашим профессором Стакеном. Более неприятного человека я едва ли встречал.

Райт, как и Карнарвон, отказался от отеля в Луксоре и жил теперь в предоставленной лордом палатке. Он осматривал усыпальницы Долины царей и наблюдал за раскопками Карнарвона. Тот нанял целое скопище безработных

арабов — они копали землю и оттаскивали в сторону каменные глыбы.

Время от времени Карнарвон уезжал в Каир, но Райт даже не покидал участка, где велись раскопки, и все время что-то разыскивал. Он напоминал лозоискателей, которые бродят с магнетическими палочками в руках и ждут, пока в земле под ними не отзовется источник. Он волновался. В Египте Райт надеялся отдохнуть, однако и отдых заключался в работе. Незадолго до отъезда он начал новую книгу.

Однажды, когда Карнарвон отсутствовал, Райт блуждал неподалеку от места последних раскопок. Он вооружился палкой и отбрасывал в сторону обломки камней. И неустанно думал только об одном — о Нефрет, таинственной, такой близкой, но остающейся несбыточной мечтой.

Маленькая ящерица прошелестела и исчезла в какой-то щели. Райт наклонился, чтобы взглянуть, куда скрылось это юркое существо. Трещина на камне пересекала еле заметную под слоем пыли и грязи надпись. В иероглифах ему почудилось имя Нефрет. Он наклонился ближе и медленно прочитал:

«Вы, приходящие ко мне, вы блуждающие по земле, где живете веками и проходите сквозь вечность, вы — жрецы и служители Осириса, вы, знающие божественный язык, вы, входящие в тень моей смерти или проходящие мимо, прочитайте надпись на этом камне и безбоязненно произнесите мое имя. Вы — смертные и вечно бессмертные, кем бы ни были, вспомните меня пред властелинами истины, ибо ждет вас милость божья. Вспомните и обо мне».

Райт стал очищать каменную плиту — сперва палкой, потом руками. Сломал ногти и до крови ободрал ладони.

«Госпожа, сладостная любовью, говорят мужчины. Повелительница любви, говорят женщины. Царская дочь, сладостная любовью, прекраснейшая из женщин. Отроковица, подобной которой никогда не видели. Волосы ее чернее мрака но-

чи. Уста ее слаще винограда и фиников. Ее зубы выровнены лучше, чем зерна. Они прямее и тверже зарубок кремневого ножа. Грудь ее стоит торчком на ее теле...»

Теперь Райт видел Нефрет с опьяняющей ясностью. Смугло-розовое лицо, обрамленное черной ночью волос. Ее уста дрожат от шепота, ее глаза горят.

Голова Райта кружилась, ее словно стискивал свинцовый обруч. Он с трудом добрался до палатки, не сразу понял, что говорил ему вернувшийся Карнарвон. Откуда-то изда-дека долетели слова:

— Стакен заболел... Пришло письмо от вашей жены... Вы плохо себя чувствуете, Райт?

— Нет, я здоров. Мне просто нужно отдохнуть.

*

Райт провел беспокойную ночь. Усталый, как после долгого путешествия, он временами заставлял себя забыть о минувшем дне — но отдельные картины всплывали снова и снова. Он вновь возвращался памятью к тропинке, которая рисовалась четко, как линии на карте. Видел ящерку с любопытным взглядом, юркнувшую в трещину, полустертую надпись, которая выступала из темноты выразительными знаками, и наконец лицо Нефрет.

Утром вспомнил слова Карнарвона о Стакене и письме от жены. Письмо лежало перед ним — написанное поспешно, размашистым почерком, без единого знака препинания, как телеграмма:

«Не могу больше немедленно возвращаться зачем мы только сюда приехали Стакен тебя вызывает болен я читала об этом в газете».

Упоминание о Стакене прибавило ему сил. Он предчувствовал опасность и стал готовиться к обороне.

«Стакен меня вызывает... Итак, за работу!»

Лорду понравилось, с каким пылом Райт взялся за раскопки. До сих пор он видел в нем только кабинетного мечтателя. Надпись на грязной, наспех очищенной плите Райт разбирал теперь со всей тщательностью. Он нашел плиту вне участка работ Карнарвона. Лорд заявил о своем искреннем желании помочь Райту, тем более что сам не был занят в данный момент ничем важным. Райт надеялся, что Карнарвон заинтересуется найденной плитой, но тот лишь бегло осмотрел ее.

Мэри получила от Райта короткий ответ:

«Все идет наилучшим образом. Дело проясняется. Потерпи еще немного».

Мэри скучала. Усердно, как в Берлине, а то и с большим рвением, скупала в Каире различные безделушки. Чтобы сделать приятное мужу, выискивала по лавкам древности — наверняка фальшивые. Тосковала по Берлину, но не решалась на самостоятельное возвращение. Она не могла разобраться в своих чувствах к Райту. Он был ее мужем, нравился ей, был не похож на остальных мужчин, и она желала его как-то иначе, чем других. У нее бывали искушения, но в конце концов мысли о супружеских обязательствах одерживали верх.

Мэри обладала прелестным свойством, отличавшим ее от других женщин — нервное волнение только красило ее. Неуверенный взгляд ее рассеянных глаз говорил о возбуждении, даже раздражении. Но она обращала так мало внимания на своих знакомых и относилась к их заботам с таким равнодушием, что создавалось впечатление, будто она сознательно подчеркивает свою холодность. Чахоточный француз Аристид де Бособр, который проводил вторую зиму в Каире и все время писал длинную поэму из египетской жизни, обратил на нее самое пристальное внимание. Худой и бледный, со впалыми вытянутыми щеками, он часто подсаживался к Мэри за столиком в отеле. Общество Бособра докучало ей, но по крайней мере ограждало от других, более неприятных ей людей. Мэри уже выучила наизусть несколько отрывков из его поэмы; когда он зачитывал

свои лихорадочные фантазии и видения, его голос напоминал звуки далекого оркестра.

«...Они шли меж мраморными колоннами, облаченные в праздничные одежды.

Их головы были увиты золотыми аспидами, никогда не касавшимися земли.

Они хранили молчание — жесты заменяли им слова.

За порфировыми столами они вкушали блюда из райских птиц и подводных чудовищ.

Жены в платьях белее молока богинь ждали их на закате.

Ручные львы ластились к ним и лизали им руки.

Они уезжали на войну в колесницах, запряженных единорогами.

Они жили тысячу лет и ни разу не улыбнулись...»

*

Однажды Бособр показал ей акварель Густава Моро, которая его вдохновила. Мэри взглянула на желтое, землистое лицо тысячелетнего фараона, не знавшее улыбки, услышала кашель француза, увидела, как он судорожно мнет платок и замечталась. Возможно ли прожить тысячу лет?

За каменной охранной стеной, закрывавшей вход в гробницу, Райт нашел нечто, оживившее прошлое. Давняя мечта или невероятный сон становились явью. Беспокойные видения воплотились в образы, которые украшали стены по обе стороны узкого и низкого входа. Райт благоговейно рассматривал фрески с изображением погребальной процессии. Невольники несли жертвенные дары, еду, напитки, цветы. Много цветов. Курильницы. Некоторые держали в руках раскрашенные сундучки, двое бережно несли стол с разложенными на нем плодами.

Домашняя обстановка — изысканные произведения рук художников и их утонченного вкуса. Кресла, столики, кро-

вати с резными головами животных. Шкатулки с драгоценными украшениями и косметическими средствами... Зеркала, бусы, веера. Ручная газель несравненной красоты — на скаку, со стройными ногами. И снова какие-то жертвенные дары, толпа плакальщиц, сами позы которых выражают печаль. Тянут барку, невольники подгоняют скот. Мумия лежит в позолоченном саркофаге. Рядом семья. Плакальщицы пытаются выразить непомерную боль родных. Переправа через Нил. Ярко раскрашенные похоронные лодки. Металлические цветы лотоса на носу и корме барки, везущей мертвое тело, низко склоняются к воде, словно под гнетом скорби.

Из склепа, вырубленного в скале, выходит и идет навстречу процессии жрец. В его фигуре Райт — не столько зрением, сколько внутренним чувством — узнает себя самого. Рабочие, вошедшие следом за ним, возгласами обращают внимание друг друга на это необычное сходство и указывают пальцами на Райта.

Первый шаг в усыпальницу был для него шагом в прошлое. И вот он встретился со своим двойником, жившим три тысячи лет назад. При взгляде на него, Райт на миг утратил себя и в тот же миг обрел вновь — в том, кто терпеливо ждал его здесь, облаченный в одежды жреца.

Не могло быть сомнения, что у художника, изобразившего погребальную процессию, должны были иметься особые причины для придания чертам жреца портретной выразительности. Эту выразительность подчеркивали характерно-шаблонные лица всех остальных. Упрямая линия подбородка, резкий вырез губ, контрастирующий с молодым лицом, меланхолический и чуть удивленный взгляд больших глаз — все это было словно срисовано с живого Райта. Жрец отличался от него только обритой головой.

Открытие заставило Райта изменить первоначальный план. Он был слишком взволнован и чувствовал, что в таком состоянии не сможет продвигаться дальше, даже не вправе это делать. Нужно успокоиться, привыкнуть к новым чувствам и тогда уже пробиваться к месту вечного упокоения тех, кто звал его к себе.

Его волнение было ответом на этот зов.

Непривычное поведение Райта беспокоило Карнарвона. На вопросы о том, как идут раскопки, Райт отвечал коротко и безразлично, как будто все, что он нашел, было ему давным-давно знакомо. Казалось, он лишь с большим усилием сумел отвлечься от раздумий, когда поднял голову и произнес:

— Прошу вас не заходить дальше места, где я сегодня остановился. Я отметил это место деревянной табличкой.

Карнарвон согласно кивнул головой.

Вернувшись с раскопок, Карнарвон застал Райта в той же позе — согбенного, с локтями на коленях и сцепленными пальцами. Широко раскрытые глаза глядели недвижно и испуганно, не видя ничего вокруг. У рта, как старческие морщины, пролегли глубокие складки. Карнарвон внимательно посмотрел на Райта, махнул рукой, будто отмахиваясь от сна, и направился к выходу из палатки. Еще раз оглянувшись, пожал плечами и пробормотал: «Странно...»

Он уже успел побывать в усыпальнице, дошел до фрески с изображением жреца и сразу заметил сходство. Карнарвон никогда не расставался с фотографическим аппаратом и магнием — и сейчас не удержался и сделал снимок, собираясь сравнить его позднее с фотографией Райта. Вероятно, Райта поразила эта схожесть. Карнарвону показалось, что он украл что-то, принадлежащее другому.

*

Ночью Райт спал спокойно. Он освоился с тем, что увидел. Волнение отпустило его. Он уже решился копать дальше. На следующий день с утра он вошел в раскоп, даже не взглянув на фрески и своего двойника. С помощью рабочих добрался до погребальной кладовой, заполненной предметами домашнего обихода; их хватило бы на обстановку небольшой комнаты. Несомненно, со времени погребения

все здесь оставалось нетронутым. Воры, искавшие драгоценности, конечно, вряд ли позарились бы на эти повседневные предметы. Их ценность заключалась не в материале, а в исполнении.

Они лежали в том же порядке, в каком были некогда сложены — не особо бережно. Краски сохранили свои цвета и даже такой подверженный воздействию времени материал, как кожа, выглядел неповрежденным. Возможно, это объяснялось исключительно благоприятным составом почвы.

Косметические принадлежности попадались во множестве. Коробочки для благовоний с маленькими фигурками из слоновой кости, ложечки — причудливый арсенал молодой красавицы наполнял всевозможные резные и раскрашенные шкатулки. Даже консерватор Карнарвона — старый англичанин, повидавший на своем веку немало древностей — недоумевал, каким образом все это сохранилось в таком хорошем состоянии. Он высказал предположение, что дело было не только в редкостных свойствах почвы, но и высоко развитом искусстве мумификации.

— Поглядите на это, — показывал он лорду тончайшее белое полотно. — Египтяне называли это «воздушной тканью», но я предложил бы назвать «полотняным туманом». Ни одна из наших красавиц, пусть и самая легкомысленная, не отважилась бы показаться людям в платье из подобной материи. Помните одежду короля из сказки Андерсена? Ткани три тысячи лет, но она такая же цельная, прочная и мягкая, как когда-то. Мы очень гордимся прогрессом нашей техники — но подумайте, эту материю ткали вручную на чрезвычайно примитивных станках.

Главным достоинством найденных предметов было их превосходное состояние; в остальном они мало отличались от находок других современных археологов. Однако было в них и еще кое-что необычное — какой-то отблеск личного вкуса владелицы мертвых вещей. Вкус Нефрет, которая выбрала для себя все эти изделия — а может, лично заказала их мастерам — сложно было описать словами. Она избегала сложных, перегруженных деталями украшений, предпочитала наиболее простые линии и спокойные сочетания цве-

тов. В маленькой шкатулке необыкновенной красоты лежали свитки папируса. Райт не доверил ее никому и сам вынес из гробницы. Вход в дальние камеры закрывала широкая плита с надписью; на ней Райт прочитал знакомое имя — «Нефрет». Райт подавил нетерпение, решив, что сперва ознакомится с манускриптами. Прежде, чем предстать перед Нефрет, он должен был узнать о ней как можно больше. А что могло лучше поведать о ней, чем папирусы с ее стихами?

Райт вышел из раскопа, осторожно и торжественно неся шкатулку перед собой. Лорд Карнарвон восторгался найденными сокровищами, которые рабочие постепенно выносили наверх.

— Примите мои поздравления, Райт. Мне кажется, что один из нас наделен талисманом удачи. А может, мы оба. Поздравьте и меня: я нашел то, что искал — гробницу последнего фараона восемнадцатой династии. Что вы собираетесь сделать со всеми этими вещами? Вы должны немедленно отправить их в Каир. Если вас не затруднит, помогите мне и проследите за перевозкой.

*

Нефрет, как безошибочно догадался Пикок, была дочерью Эхнатона и жила при дворе Тут-анх-амона, мужа ее сестры. Она умерла внезапно, и обстоятельства ее смерти были таинственными. Об этом поведали надписи в очищенных от находок погребальных кладовых. Карнарвон, привыкший к богатствам царских гробниц, с некоторой грустью смотрел на вещи Нефрет. Когда все мелочи, которыми она некогда наслаждалась, оказались в ящиках и сундуках, Райту почудилось, что его кто-то ограбил.

«Грабители могил!» — вспомнил он слова директора. Быть может, и вправду не стоило тревожить вечный покой царевны. У нее отобрали все, с чем она сжилась, и теперь

в ограбленной гробнице бродит безутешная тень, лишенная того, что принадлежало ей столько веков.

В этой усыпальнице звучала музыка, недоступная слуху живых, плыли песнопения, цвели благовония, со стен сходили танцовщицы, прыгали неустомимые газели, радуя взор своими прекрасными движениями. Теперь у царевны не осталось ни кресла, ни зеркала, в которое она могла бы поглядеться, ни ароматных курильниц, ни краски, чтобы подвести глаза. Жрец, двойник Райта, казался совершенно живым. Лицо его изменилось, из глаз исчезло отчаяние: он смотрел на опустевшую гробницу с удовольствием, чуть ли не радостно.

Карнарвон, расставив ноги и похлопывая себя по плечу тонкой тростью, долго изучал странный рисунок — изображение двойника Райта.

«Очевидно, необычное совпадение, как случай со статуей “Шейх-эль-белед”. Когда этого загадочного египтянина извлекли из подземелья на свет после трехтысячелетнего сна, рабочие вдруг закричали: “Да это же Шейх-эль-белед!..” Так или иначе — все это странно, очень странно...»

*

Мэри встретила мужа более чем разгневанно. Она была чем-то крайне раздражена: то чересчур громко смеялась, то вдруг становилась слишком чопорной. Райт, занятый своими мыслями, все же невольно заметил, в каком нервном настроении она пребывала.

На вопрос, что с ней, она ответила:

— Я вполне здорова, но что с тобой? — и, сменив тон, сказала: — Расскажи мне, чем ты занимался.

Райт довольно равнодушно рассказал о своих находках. Внезапно, словно что-то вспомнив, прервал рассказ и вышел. В отеле они снимали два номера; вторая комната служила кабинетом и кладовой. Здесь находились все интересные его находки, исследование которых Райт не хо-

тел откладывать до возвращения в Берлин, в том числе и драгоценная шкатулка. Мэри пошла было за ним, но он сказал:

— Останься, я скоро вернусь.

*

Райт не сразу услышал осторожный стук Мэри. Ей пришлось постучать еще раз, прежде чем он открыл. На столе стояла шкатулка и лежали папирусы.

— Так нашел это в гробнице? Какая прелесть! — и она наклонилась к мужу. — Передашь в музей или оставишь себе?

— Еще не знаю, — неохотно ответил Райт, не очень обрадованный ее визитом и размашистыми движениями, угрожавшими всем древностям в комнате.

— Еще не знаю, — повторил он, бережно свернул папирусы и положил их обратно в шкатулку.

— Если ты не передашь ее в музей, то подаришь мне, правда? Чудесная вещь. Я тебе не помешала?

— На сегодня я закончил.

— Ты что-то писал?

— Да!

— Стихи?

— Я старался как можно точнее передать богатство образов египетского текста. Но это довольно трудно... мы ведь привыкли к совершенно другим образам, иной гармонии...

Райт оживился, взял в руки исчерканные листы и, приблизив к глазам, прочитал вслух:

*Любовь к тебе вошла мне в плоть и в кровь
И с ними, как вино с водой, смешалась.
Как с пряною приправой — померанец
Иль с молоком — душистый мед.*

*О, поспеши к Сестре своей,
Как на ристалище — летящий конь,
Как бык,
Стремглав бегущий к яслям.*

*Твоя любовь — небесный дар,
Огонь, воспламеняющий солому,
Добычу бьющий с лету ловчий сокол.*

Отложил один листок и взял другой.
— И еще одно стихотворение:

*Мне вспомнилась твоя любовь!
Кудрей заплетена лишь половина:
Стремглав бегу тебя искать,
Пренебрегая гребнем и прической.*

*О, если ты не разлюбил и ждешь —
Я косы живо заплету,
Готова буду вмиг!*

— Только японцы, великие мастера стенографической записи чувств, сумели бы с такой простотой и лаконичностью передать настроение в одном-единственном образе.

*К сердцу своему — в твоей груди! —
Я взмолилась: «Дай сегодня ночью
Мне в мужья того, кого люблю!
Без него — что ложе, что гробница».*

— В этих строках звучит непосредственность, искренность и великое преклонение перед жизнью.

*Когда мы вместе, вместе с тобою, единственный, с тобою,
когда я жажду объятий твоих, объятий, жду твоих поцелуев,
нет часа краше... Когда остаемся одни и закрываешь ты глаза
и чувствую крепость и грудь твою, нет мига слаще, слаще...*

— Подобаает ли эти своеобразные рефрены, которые мы не можем передать, ритм и образы, прорастающие в бесконечность, сужать до лирики на современный лад, как сделал я? Вот, послушай...

*Цветок мех-мех вплетаю в свой венок.
Как полный мех уравновешен мехом,
Так сердце у меня в ладу с твоим;
И, волю дав ему, лежу в твоих объятьях.*

*Мое желанье — снадобье для глаз:
При взгляде на тебя они сияют!
Я нежно лгну к тебе, любви ища,
О мой супруг, запечатленный в сердце!*

*Прекрасен этот час!
Пусть он продлится вечность,
С тех пор, как я спала с тобой,
С тех пор, как ты мое возвысил сердце.*

*Ликует ли, тоскует ли оно —
Со мной не разлучайся!*

— Робби, хватит!

Райт осекся, поднял взгляд. Мэри, жеманясь, заиграла глазами, как будто ее смутила эта немного слишком откровенная поэзия. Ее взгляд загорелся хорошо знакомой Райту чувственностью; он осознал, что совершил ошибку, надеясь разделить с ней восхищение чистой поэзией.

— Кто все это написал? Наверняка мужчина. Сегодняшняя цензура, думаю, кое-что не пропустила бы... Тебе нравятся такие вещи, Робби? До сих пор я совсем не знала тебя с этой стороны!

Стоит ли дать Мэри правдивый ответ, доказать ей, как сильно она ошибается? Рассказать о Нефрет — молодой, безвременно умершей девушке, поэтессе, которая напомнила своим талантом Сапфо? Нет, невозможно говорить с

ней об этих женщинах, переплавлявших любовные переживания в высокую поэзию... Мэри не поймет, да и вообще...

— Пойдем.

Мэри щебетала. Она была возбуждена и тащила за собой Райта всюду, куда увлекал ее непоседливый нрав. Райт послушно, не возражая, следовал за ней. Мэри пила вино, опьянела и требовала, чтобы Райт составил ей компанию и пил вместе с ней. Только с приходом ночи ее веселость пошла на убыль. Наконец она улеглась в постель, подставила Райту глаза для поцелуя и сама крепко поцеловала его в холодные губы.

Райт, не переставая думать о прерванной работе, машинально отвечал на ласки. Все просьбы Мэри, уговаривавшей его немного отдохнуть от работы, он пропускал мимо ушей. Начал складывать бумаги в комнате, а когда услышал сонное дыхание жены, вышел и заперся у себя. Мэри уснула, не дождавшись его возвращения из кабинета.

Райт развернул папирусы и собрался было читать дальше, но слова жены звенели в голове и мешали думать. Он стал рассматривать всякие мелочи. Некоторые предметы, еще не рассортированные, лежали в беспорядке на столе и на полу. В углу стояла небольшая, очень скромная шкатулка, на которую он раньше не обращал внимания. Райт поднял ее: она была легкая, с обычной резьбой. Когда он наклонял шкатулку, какой-то предмет внутри глухо постукивал о стенки. Защелку было бы нетрудно открыть, но что-то удерживало Райта, не позволяя поднять крышку.

Он еще раз прочитал вслух последние строки стихотворения:

*Огонь, воспламеняющий солому,
Добычу бьющий с лету ловчий сокол.*

Папирус, случайно попавший в его руки в Берлине, разгорелся теперь, как огонь. Райт видывал немало папирусов; удивительно, почему именно этот так растрогал его, придал жизни новый смысл. Была ли это любовь? Да, несомненно она, если можно назвать любовью устремленность к некой великой целостности, желание добыть из глубин души отдельные частицы расколотого «я» и обрести себя в единении с другим. Это чувство упало на него, как сокол с неба. Может ли оно убить добычу, как сокол, можно ли с кем-то еще разделить распавшуюся судьбу?

Райт знал лишь одно: он уже не сможет забыть Нефрет, которая очаровала его еще в Берлине, когда он только почувствовал ее, и наполнила всю его душу, когда надпись в усыпальнице развеяла все сомнения в ее существовании. Голос разума, не до конца утихший, издевательски нашептывал, что смешно говорить о любви к покойнице, жившей много веков назад. Но Райт чувствовал, как его властно подхватывает некая призрачная, полная видений волна. Он хотел уже отдаться течению, но вдруг перед ним возник строгий взгляд черных глаз. Нарисовалась фигура Стакена, будто сошедшая с папирусных свитков. Всплыло воспоминание о сожженной рукописи. Райт нервно схватил папирусы, положил их в шкатулку и прикрыл крышкой. Минуту спустя открыл вторую шкатулку, украшенную простой резьбой. Не заглядывая внутрь, нащупал металлическое зеркальце. Оно ничем не отличалось от десятка других, хранившихся в музейных собраниях. Зеркальце поблескивало — патина времени не лишила его первоначальной свежести — и казалось ценным: без сомнения, изделие было выполнено из золота и серебра. Ручкой служило искаженное подобие египетского бога Беса, так удивительно напоминавшего мексиканские барельефы; выше ручка переходила в неровный овал самого зеркала.

Райт поднес зеркало к глазам и... не увидел ничего. Поверхность блестела, но ничего не отражала. Даже электрическая лампа на столе не отбрасывала назад из зеркала свой свет. Зеркальная гладь была как бездна, уходившая в

бесконечность — словно окно вечности. Райт, окаменев, в замешательстве продолжал держать зеркало в руке.

Вдруг в зеркале что-то проступило, как тень сквозь стекло. Нет, как луч в проеме на мгновение приотворенной двери. Снова и снова. Тени с каждым разом сгущались, темнели на зеркальной поверхности. Появилось чье-то лицо — прекрасное, измученное женское лицо. На щеках зажглись краски жизни, уста загорелись, зубы заблестели. Волосы чернее мрака ночи обрамляли это лицо — лицо прекраснейшей из женщин.

Нефрет!

Да, это она явилась пред ним из лона вечности.

В зеркале ожил образ. Нефрет жила, ее губы улыбались, в глазах сияла безмятежность молодости — в удлинённых глазах, продленных к вискам смелыми стрелками. В них было счастье и восторг, — нет, из них струился источник упоения. Но внезапно лицо ее, как дымка, заволокла грусть. Дуновение тоски заставило глаза потускнеть. Резко вздернулись брови, глаза расширились от испуга, улыбка исчезла с губ.

Образ в зеркале затуманился. Казалось, чей-то неприязненный взгляд пронзал его и вбирал в себя. В глазах сверкнула молния, губы искривились от крика. Взгляд Нефрет о чем-то молил.

Черты врага проступили отчетливей, его суровая, безжалостная фигура заполнила все, стерла прежний образ. Это же Стакен!

Зеркало упало из рук Райта и жалобно зазвенело на каменном полу. Чей-то крик слился со стонами металла, сознание Райта заволокла мгла.

Мэри проснулась и начала звать мужа. Никто не отвечал. Значит, Райт еще не вернулся в спальню. Мэри вышла в коридор и приложила ухо к двери кабинета. Там было тихо. Она подергала ручку — дверь была закрыта. Мэри позвала Райта — шепотом, потом громче, постучала в дверь — сперва осторожно, после сильнее. Все было бесполезно. Мэри закричала. Сбежались служащие отеля.

Высадили дверь и нашли Райта без сознания. Рядом с ним лежало на полу старое медное зеркало.

Пришел врач во фраке — ему пришлось покинуть какой-то званный вечер. Райт пришел в себя и смог собственными силами добраться до спальни. Тем не менее, врач счел своим долгом расспросить его о самочувствии, а затем выписал рецепт.

— Вы слишком много работаете, господин профессор.

— Не профессор, а доктор!

— Такому ученому, как вы, не придется долго дожидаться профессорского звания. Вам следует только отдохнуть, избежать волнений и как можно скорее вернуться в Европу.

И, обращаясь к Мэри, добавил:

— Вы должны, сударыня, позаботиться о том, чтобы ваш муж мог чем-то развлечь себя.

*

Райт послушно выполнял все предписания жены. Обходил кабинет стороной и равнодушно смотрел на письма, приходившие от Карнарвона. Он складывал их стопками и больше не думал о почте. Почти забросил свою книгу. Время от времени перечитывал и правил написанное, но и эта работа не занимала его надолго. Он производил впечатление заурядного туриста, хотя и совсем не интересовавшегося древними памятниками. Казалось, он с удовольствием слушал Бособра, в чье узкое лицо всматривался, как медиум в трансе. Мэри следовала примеру мужа и, утопая в кресле, заслушивалась поэтическими фантазиями чахоточного француза. Поэт, получив таких внимательных слушателей, забывал о нескольких действительно завершенных им стихотворениях и предавался импровизациям. В его отягощенном болезнью воображении древний Египет — невероятный и устрашающий — оживал чудесными красками.

Видения Бособра захватывали, отравляли, как кокаин, опий или другой наркотик, придавали жизни небывалую пряность. Возможно, одаренный француз подсознательно проник во многое из того, о чем знал Райт. Его фантазии были не лишены некоторых научных оснований. Импровизации выливались в форму догадок и гипотез — мешанины реальных фактов и непредставимых выдумок — и, может быть, именно по этой причине воздействовали так опьяняюще.

Однажды вечером Райт словно проснулся после долгого, глубокого сна. Он резко поднялся и с улыбкой взглянул на Мэри и острый профиль Бособра.

— Дорогой мой, — сказал он француз, — в Египте жили не только фараоны и не только воля была главной движущей силой египетской жизни. Важнейшим было само желание жить. Найдется ли другой народ, у которого мертвый становился бы иногда живее живых — и не только богом, но даже победителем богов?

Бособр, чей поток красноречия был неожиданно прерван, смотрел удивленными глазами. А Мэри, давно не видевшая мужа в таком настроении, немного встревожилась.

— Я благодарен за честь, которую вы нам оказали, и благодарен за ваши повествования, — добавил Райт. Он хотел загладить свои невежливые слова, но невольно вздрогнул, сжав безвольно упавшую и потную руку француз. — Спасибо вам, но даже ваш блестящий талант не может воспроизвести то, что в подобном виде никогда не существовало...

— Ты обидел его, — сказала Мэри, когда поэт отошел.

Она спросила, когда он намерен уехать, но получила уклончивый ответ. Показала ему газету с заметкой, где говорилось, что состояние здоровья Стакена ухудшилось. Райт спросил, каким числом был датирован номер. Услышав ответ, начал что-то подсчитывать в уме и улыбнулся.

— Почему ты улыбаешься? — подскочила Мэри.

— Я думал о Стакене.

— Противный тип!

Стакен, казалось Райту, не собирался прекращать преследование. Даже сюда, в Египет, приходили газеты с известиями о профессоре. Спустя какое-то время пришло письмо, написанное дрожащим почерком. Стало очевидно, что Стакен и вправду болен. Содержание письма напоминало лихорадочный бред. Стакен повторял прежние увещевания и умолял верного ученика не отступаться от пути истины. Некоторые фразы были написаны иероглифами, отдельные слова жирно подчеркнуты, буквы плясали. Да, состояние старика оставляло желать лучшего. При чтении письма Райт ощутил даже известное сочувствие — но тем сильнее заговорил дух протеста, который всегда просыпался в нем во время бесед с учителем. Вечно профессор лез в его мысли, его чувства!..

Райт навестил директора. «Слышал, что ваш профессор — Стакен — тяжело захворал...» — соболезнующее сказал тот. Директор был любезен и явно забыл об остром обмене мнениями касательно раскапывания могил. Он заговорил о новых открытиях лорда Карнарвона и, не вдаваясь в оценки, заметил, что Райт может продолжать раскопки на своем участке. Усыпальница какой-то царевны, это не имеет особого значения. Иное дело — осквернить гроб самого фараона. Он, как директор музея, употребит все свое влияние для прекращения дальнейших работ. Частично это ему уже удалось, так как лорд был вынужден прервать раскопки. Вдобавок Карнарвону, очевидно, придется расстаться со многими находками.

— Если не ошибаюсь, у вас не имеется даже отдельного разрешения на проведение раскопок? — искоса глянув на Райта, спросил директор.

Но разрешение у Райта имелось: накануне Карнарвон выдал ему соответствующее письмо. Теперь Райт убедился, что директор стоит на своем и не намерен уступать. В тот же день он уехал на раскопки, ничуть не считаясь с поже-

ланиями жены.

К вечеру приехал в Луксор и направился прямо к усыпальнице. Сторожа сидели у костра и спокойно беседовали. Райт осторожными шагами вошел в подземелье, освещающая дорогу карманным фонариком. Вокруг очищенных плит, как и раньше, были разбросаны кирки, лопаты и прочие орудия. Райт остановился и стал читать надпись на одной из плит:

«Пей из чаши радостей, не покидай пиршества любви. Не сходи с пути своих томлений. Прогоняй тоску с порога сердца своего, ибо Запад — обитель скорби, страна теней. Спят они бестелесно, беспробудно, не видя братьев, не встречая ни отца, ни матери своей. Всякий на земле утоляет жажду прохладной водой, лишь меня терзает вечная жажда. Забыла я, где пребываю. Помню журчанье воды, помню ветер, что дышит над берегом реки. О, дайте мне обратиться лицом на север, дайте воды, дабы охладить обессиленное сердце. Ибо здесь — царство Всепожирющей Смерти».

Читая это, Райт вспомнил свои слова о победе мертвых над жизнью, сказанные им французу. Среди вечной тьмы царевна гибла от тоски. Она не успела вдоволь испить чашу наслаждений и призывала детей земли высоко нести дар жизни. Несчастливая царевна корила себя тем, что не посвятила свою краткую жизнь любви и сошла в страну Амен-ти, испытывая неутолимую жажду...

Только тот, кто добивается от жизни всего, только тот, кто умеет ее покорить, выходит победителем из борьбы с нею. Гордо и угрожающе встают тени, пробужденные надписями на пирамидах. Фараоны, завоеватели и полубоги, о которых любил повествовать в своих фантазиях Бособр, завладели небом, разрушили своды и уничтожили самих богов. Они боролись за жизнь и с волей к жизни переступили порог смерти. Нефрет простилась с миром в тоске по любви. «Не сходи с пути своих томлений», — таков был завет царевны. А теперь я хочу ее, ту, что спит здесь вечным

сном, вернуть к жизни, вновь наполнить ее печальное и обессиленное сердце радостью и полнотой желаний, умершую превратить в живую и счастливую. Могущество фараонов даровало им по смерти безграничную силу, но разве могущество любви, что безмерно превосходит их силой, не способно сотрясти небеса и сотворить новое чудо?

«Я должен все о ней знать, я должен ее познать... как сестру, как жену, как... мою Нефрет...»

Но Райт был скорее силен, чем ловок. Одна плита раскололась и теперь ее невозможно было отодвинуть от стены. С немалым трудом ему удалось чуть сдвинуть ее с места, причем один уголок плиты надломился. Открылось отверстие, в которое нужно было протискиваться с большой осмотрительностью. Высокому Райту не сразу удалось пролезть в эту тесную расщелину. Ощупывая стену, он продвинулся на несколько шагов вперед, пока что-то его не остановило. Понял, что это каменный блок, под которым виднелась узкая, слишком узкая для Райта щель. Он расчистил каменные обломки у основания блока, лег на живот и пополз, как змея, совсем забыв об опасности и о том, что каменная громада, рухнув, наверняка раздавила бы его. Сам удивлялся, как сумел преодолеть преграду, казавшуюся неприступной стеной.

Ботинком зацепил за что-то, инстинктивно поджал ногу. Услышал за собой не громкий удар, а тихий шелест. Посветил фонариком и увидел, что каменная скала, под которой он только что прополз, скользнула к земле. Видимо, какой-то камень случайно сдвинулся со своего места и теперь скала загородила выход. Райт понял, что пути назад нет. Но в порыве смелости он еще не до конца осознал свое положение. Его манило то, что ждало впереди, а не оставленный им мир.

Двинулся вперед. Теперь он оказался в маленькой камере, изукрашенной подобно другим. По обе стороны низкой и узкой двери две одинаковые статуи. Они изображали сидящую Нефрет в белом, узком платье. В левой руке, крепко прижатой к телу, она держала цветок лотоса. Голову украшал большой черный парик. На пыльном полу вид-

нелись следы голых ног. На одном из пьедесталов увядшие цветы — последний привет от живых.

Сквозь приоткрытую дверь заблестело золотое ограждение саркофага. Имя Нефрет, выведенное бирюзово-синей краской, чередовалось на нем с символом жизни — доказывая, что время не властно над непреложностью ее существования.

*

Час шел за часом и Райт ощущал лишь ее близость, наслаждался чувством, что желанная цель наконец достигнута. Весь смысл его жизни покоился там, под бинтами, что обвивали высушенное, бездыханное тело царевны Нефрет, спрятанное в раскрашенном саркофаге за соседней стеной. Не все ли равно? Вернуться назад он не сможет — путь преграждает камень. Никто не видел, как он входил в эту усыпальницу. Лорд слишком поглощен собственными раскопками. А Мэри? Она рассталась с ним не в самом дружелюбном настроении. В гневе она умела три дня напролет демонстративно выказывать недовольство.

Райт припомнил свою научную карьеру — первые шаги на стезе ученого, заслуженные успехи, разговоры со Стакеном. Быть сейчас здесь, в гробнице Нефрет, казалось победой. Именно сюда не хотел пускать его старик и все же не добился своего. Какое-то время Мэри служила щитом, укрывавшим Райта от нападок Стакена... Но могла ли она заставить его забыть о цели? Считать ли женитьбу на ней ошибкой? Нет, это только эпизод — и ничего более.

Райт забыл завести часы. Тем лучше: вечность не знает ни минут, ни часов. Отныне он может жить в вечности. Когда нет часов — не будет ни дней, ни месяцев, и тысячелетия пролетят незаметно. Не было трех тысяч лет, прошедших... до этой минуты.

*

Что он оставил там, за рухнувшим вниз камнем? Что осталось за морем, которое Райт перешел, как посуху? Какие-то чудовищные поезда: они исчезали в пасти туннелей, нервно останавливались на станциях, выплевывали из себя задыхающихся людей и снова их заглатывали, и вновь, сверкая, с шумом мчались по железным поясам, прорезавшим землю... Какие-то невидимые радиоволны, что разбегаются и тают в беспредельности только для того, чтобы люди напрягали слух, пытаясь различить их звуки. Биржи, валютная паника, заседания репарационных и прочих комиссий, выборы, правительственные кризисы...

«S. O. S.! S. O. S.!» — пробивается в этом хаосе и летит на Марс, на Луну, долетает до Венеры — куда-то, где иные существа в таком же слепом заблуждении обманывают друг друга, воюют, суетятся и ползают, как червяки, где какой-то несчастный издает такой же безнадежный призыв: «S. O. S.!» Фокстрот, политические убийства, торговля кокаином, махинации большевиков, ежедневные сенсации газет и изобретения, опровергающие тысячелетние гипотезы...

Все безразлично. Кажется, словно все это исчезло и остался даже не доктор Роберт Райт, а одинокое создание, которое забыло о голоде и недвижно склонилось над саркофагом, когда погас последний луч света, падавший на стены.

Оно непрерывно повторяет все то же имя, что словно околдовало его, погрузило в мечтательную дремоту, граничащую с несуществованием:

«Нефрет, Нефрет, Нефрет...»

*

Это имя произносил, засыпая, молодой жрец Сатми, лежавший на низком ложе с твердой подпоркой под бри-

той головой. Несмотря на молодость, он уже носил титул второго провидца и следовал в иерархии непосредственно за верховным жрецом Инени, своим учителем.

И, несмотря на высокое положение и всю свою мудрость, он не переставал думать о женщине, как обыкновенный смертный, чья устремленность к высшей цели не мешает удовлетворять обычные жизненные потребности. Нефрет — младшую царскую дочь и сестру царицы — он часто видел на различных церемониях, но почему-то именно сегодня она показалась ему особенно привлекательной. Может, виной всему ее дивный синий парик, или диадема, придававшая ей исключительное очарование? Почему? — неведомо... но все же Сатми чаще, как обычно, останавливался взглядом на юной царевне, которая шла в свите царицы к Инени, раздававшему по случаю праздника цветы лотоса. В ногах Сатми стояла большая корзина с цветами. Он медленно и торжественно передавал зеленые стебли верховному жрецу. Смущенная торжественной минутой, Нефрет разволновалась и вместо того, чтобы принять цветок из рук Инени, торопливо взяла его у Сатми. Длинный стебель обвил их руки, связал на несколько мгновений зеленой лентой — и то, о чем Сатми никогда прежде не думал, стало для него вершиной желаний.

До сих пор он с ясным сознанием и себялюбивым пылом посвящал все силы одной только чистой науке — под опекой строгого Инени, неуклонно стоявшего на страже мудрости.

Храм был для Инени целым миром. Он редко и неохотно покидал священную храмовую келью — даже в те дни, когда правила предписывали ему посещать фараона. Инени напоминал статую — словно бы он, постоянно находясь среди неподвижных изваяний, позаимствовал их черты. Движения его худощавого тела были размеренны, лицо точно высечено из камня. Только в его черных глазах тлел сверхъестественный огонь жизни — неземное пламя, благодаря которому птицы могут смотреть на солнце.

Холодное сердце Инени не знало человеческих привязанностей. Сатми был единственным исключением.

*

Первые воспоминания Сатми были связаны с храмом. Лишь слабым намеком жили в его памяти женские черты — лицо матери. С первых дней сознательной жизни на нем покоились строгие и пронизательные глаза Инени.

Сатми задремал с именем Нефрет на устах, утонул в лучезарном взгляде царевны, горевшем обещанием безграничного счастья.

Инени поймал этот взгляд. Сатми, как ярмо, ощутил сквозь дрему предостерегающий взор учителя. Ему приснился странный сон...

Был рассвет, он стоял на берегу реки. Вставало солнце, золотя небо. На противоположном берегу разгорался огонь другого солнца. Этим солнцем был взгляд девичьих глаз. Нефрет, одетая в полупрозрачное платье, открывавшее линии ее юного тела, вся сияла. Сатми не знал, где был истинный источник жизни: в небесных светилах или в царевне? Сомнения были мукой, решение — наслаждением. Сатми бросился в воду и поплыл на другой берег. Он двигал светлые чаши лотосов, все теснее окружавших его своими стеблями. Он был уже близок к цели — весь в сиянии, исходившем от Нефрет, которая сама расплывалась в сиянии. Он слышал звук ее голоса.

В тот миг, когда нога его коснулась илистого дна, он заметил крокодила, прятавшегося в камышах. Зверь раскрыл пасть и всмотрелся в смельчака. Сатми замер, не в силах отвести от него глаз. Тем временем свет, заливавший Нефрет, начал гаснуть. Ярчайшее сияние сменила смертная тьма. В ней блестели фосфорические глаза чудовища. От взгляда их Сатми с болью проснулся.

Перед ним стоял Инени. В окне виднелось небо, позолоченное утренним солнцем. Инени сел на скамейку.

*

Такие посещения не удивляли Сатми: они повторялись неоднократно. Всякий раз провидец произносил какое-либо поучение или открывал новую тайну. Это случалось, когда ученик становился нетверд в вере или испытывал соблазны земных радостей, что могли совлечь его с пути мудрости.

Часто предостерегал Инени ученика от еретических помыслов. Так было, когда сам фараон воздел руку против бога Амона. Но ересь не пошатнула душу Сатми.

Стоило Инени заметить, что некоторые неясные места священных книг пробуждают сомнения в сердце ученика, как он немедленно заводил с Сатми разговор с глазу на глаз, чтобы выполоть нездоровое зерно. Инени всегда приходил перед самым пробуждением Сатми, словно хотел прочитать на лице спящего все потаенные мысли, которые тот пытался скрыть.

— Известно тебе, чему учат священные книги? Поведай мне, куда стремятся твои мысли.

— Мне это известно.

— Внемлешь ли ты святым наказам?

Сатми хотел было ответить и на этот вопрос утвердительно, но замешкался.

За долгие годы он настолько привык говорить правду и безоговорочно подчиняться приказам, мыслям и воле учителя, что не сумел теперь сразу ответить. Он не мог сказать: «Да, внемлю...» — ибо с трепетом думал о Нефрет.

Сатми молчал, избегая испытующего взгляда Инени.

— Не торопись в лабиринт. Нет доброй ворожбы. Обратный путь сокрыт во мраке. Сознаешь ли ты это?

— Сознаю.

— Ты обязан поступать так, как приказывает тебе учитель. Это тебе также известно?

— Известно.

— Люди приближаются к божеству, когда исполняют его волю. Разве я не учил тебя свершать богоугодные деяния? Не внимал ли ты моей науке, наострив слух? Не я ли толковал тебе мудрость в ее чистейшем излиянии? Вспомни также сказанное в священных книгах: «Слушай то, что гово-

рит тебе учитель, и мудрость твоя преумножится». Тот, кто внимает святой мудрости и идет за ней, преуспеет. Сохранивший знание будет ведать, куда идти и испытает счастье на земле. Знающий вскармливает мудрость и становится великим благодаря своим достоинствам. Когда его уста произносят, мозг и язык соглашаются, глаза смотрят, уши внимают — царит согласие между разумом и чувствами.

*

Вначале сердце Сатми с радостью воспринимало добрые поучения, но теперь слова истины, которые он слышал так часто и ждал, весь дрожа от нетерпения, часто казались ему пустыми, бессодержательными. И даже слова самого учителя, прежде бывшие для него источником мудрости, стали теперь обычной болтовней.

Инени замечал это. Во взгляде Сатми он видел сомнение и сопротивление, чего допустить не мог.

— Пробудись с рассветом, и день твой будет долог. Сделай больше, чем задумал. Тот, кто не использует время — заслуживает порицания. Могу я узнать, на что тратишь ты свое время?

Палец Инени уперся в грудь Сатми:

— Намерен ли ты посвятить себя изучению мудрости или же хочешь истратить себя в пустоте земного существования? Что для тебя слаще: лицезрение сути божества или временные наслаждения телесного прозябания, что равны быстротечному мигу среди безграничной вечности? Обращая взор на малое, никогда не увидишь великое. И если увлекут тебя преходящие формы жизни, ты никогда не сможешь постичь смысл бытия.

Инени приблизил лицо к Сатми, и ученик почувствовал дыхание своего учителя. Он продолжал:

— Я видел, как сестра царицы глядела на тебя, а ты на нее. Я знаю, что в сокровищницу твоего сердца прокрался

вор, чтобы похитить и растратить все собранное тобою. Он растопит золото сердца твоего и станет шутить и насмехаться над твоей мудростью. Остерегайся грабителя, Сатми! В сад, где ты взрастил цветы, что пьянят своим запахом и радуют своими красками, ворвался безумец. Он срывает лепестки цветов, которые ты так усердно взращивал... Он топчет их, пока они не рассыпаются в прах. Бойся грабителя, Сатми! Ты осквернишь свои белые одежды, чья чистота так приятна божеству, если пойдешь за тем, что зовет тебя в ночной час. На одежды твои падет роса и пыль! Не иди за голосом тьмы, Сатми!

Сатми слышался не хриплый старческий голос, а молодой, звонкий смех Нефрет. Он взглянул на Инени, но не увидел ни морщинистого лица, ни лысой головы, более не нуждавшейся в бритве. Но все-таки чужой образ мешал ему, скрывая ловко спрятавшееся, улыбающееся юное личико Нефрет.

«Грешен тот, кто пренебрегает временем...»

Вся прежняя жизнь показалась вдруг Сатми бесконечно длинной цепью даром потраченных часов, что теперь укоряли его. Нет, нет. Он правильно сделал, дождавшись своего часа. И вот его час настал. Этот час не должен пропасть зря.

Вошел храмовый прислужник. Пора было идти в святилище. Сатми вышел вместе с учителем.

*

Сегодня Сатми по-новому глядел на других жрецов, думая об их существовании вне храма. Он заметил, что для некоторых их обязанности были обузой, лица других выражали неприкрытую скуку. Налитые тела многих жрецов говорили о сильной привязанности к житейским радостям. Только Инени, казалось, не имел ничего общего с жизнью, бурлившей за храмовыми стенами. Все прочие были близки

к миру, хоть ненадолго проникавшему в храм; но Инени напоминал камень, из которого были вытесаны колонны: он и храм составляли единое целое.

Сатми впервые ощутил какое-то родство с людьми, не принадлежавшими к храму, готовность разделить радости и горести мирян. Он внимательно приглядывался к их лицам: на этих лицах вырисовывались черты жизни, которой жили они. Просторное святилище стало тесным, с мудростью его связывали лишь заученные звуки гимна, что бездумно пели жрецы.

*

Сатми начал часто пропускать церемонии в святилище. Инени был бессилен что-либо сделать, но всякий раз, когда ученик возвращался, он смотрел в глаза Сатми пронизательным взглядом.

Сатми и его учитель были единственными жрецами, не знавшими семейной жизни; одно это ставило их в исключительное положение. Все прочие или по крайней мере многие жрецы признавали их превосходство в области знаний, но в отчужденности от мира не видели никакой заслуги.

Рассказывали, правда, что у старика Инени была когда-то жена, но суровый нрав жреца рано свел ее в могилу. Некоторые без обиняков утверждали, что жену Инени похитил какой-то дворцовый стражник и что она сама предпочла красивого, рослого, хотя и глуповатого чужака, любителя выпить, своему молчаливому мужу, вечно погруженному в раздумья. Рассказывали также, что она вернулась к мужу и родила сына. Затем этот сын бесследно исчез. Одни уверяли, отцом ребенка был стражник и что Инени пытался скрыть все следы неверности жены. Ребенка отдали какому-то пастуху. Другие, напротив, клялись, что ребенок был сыном Инени и не кем иным, как Сатми, послушным, робким мальчиком, появившимся в храме вскоре после

смерти жены Инени.

Непонятную привязанность к нему старца, который никого не удостаивал своим вниманием, можно было объяснить только подобными родственными чувствами.

Громадные познания Инени ни у кого не вызывали сомнений. И даже многочисленные завистники Сатми нехотя признавали, что он был единственным, кто мог сравниться с верховным жрецом. Причиной недовольства была его молодость: старики, годами обсуждавшие тонкости священных книг, косо смотрели на юношу, который с легкостью усваивал самые непонятные тексты и толковал затруднительные места. Инени не скрывал, что избрал Сатми своим преемником. Его тирания подавляла в зародыше всякое недовольство. Бритые губы жрецов смущенно улыбались, когда во время диспутов рядом с Сатми появлялся Инени. Постепенно они начали оказывать наследнику такие же знаки льстивого уважения, с каким относились к нынешнему верховному жрецу.

Сатми без цели бродил по улицам и прислушивался к разговорам. Его появление часто смущало горожан. Высокое положение Сатми сразу бросалось в глаза и не располагало к откровенности. Женщины были смелее и нередко громко восхваляли красоту прорицателя. Легконогие танцовщицы даже не пытались завести с ним беседу — бесполезно. Сатми глазел на чужестранцев, особенно мужчин с белокурыми бородами, привозивших янтарь — странный камень, плотный, теплый и напоминавший на ощупь живое существо. Эти теплые камни почему-то нравились Сатми больше любых других — вавилонской ляпис-лазури, египетских изумрудов, ясписа, гранатов, рубинов и сердоликов — ничем не отличавшихся для него от дешевых стекляшек.

Однако Сатми с удовольствием наблюдал за работой ювелиров. Из золотой проволоки или чеканной меди они изготавливали ожерелья, серьги и диадемы, служившие для украшения не только живых, но и усопших. Благочестивые миряне приносили в храм дары, пораженные богатством материала. Жрецы говорили, что такие пожертво-

вования были угодны богам. Но и изящные, хотя и менее пышные изделия, остававшиеся за стенами храма, тоже были данью Творцу, который наделил умением и мастерством прославлявшие Его руки. Так думал Сатми.

*

Много дней прошло со времени встречи с Нефрет в святилище. Сатми снова увидел царевну — и снова в святилище. Она заметила молодого жреца и заулыбалась, мешая ему исполнять свои обязанности. Он опять смутился и чуть не нарушил предписанный ход ритуала.

Он не заметил или не захотел заметить настороженного взгляда Инени. Нефрет встретила его улыбкой. Это был счастливый знак.

*

Тутмоса, храмового писаря, носившего титул младшего жреца, высоко ценили за поэтический талант. Переписывая священные тексты, Тутмос украшал их цветами своего красноречия. Однажды писарь сообщил Сатми, что царская дочь Нефрет, та самая Нефрет, которую он знал с детства и развлекал когда-то веселыми сказками, превосходит поэтическим дарованием его — Тутмоса.

Тутмос высказал эту оценку без всякой задней мысли. Просто заметил, когда Сатми похвалил его за красиво составленные тексты. Тутмос — человек почтенного возраста, однако весьма гордившийся своим талантом — прочитал вчера стихи, записанные его товарищем, придворным писарем, под диктовку царевны. Стихи Нефрет, правда, были не очень патетическими, но напомнили писцу юношеские любовные похождения — даже слезы навернулись на глаза.

Тутмос показал стихотворение, бережно переписанное им:

*Мне вспомнилась твоя любовь!
Кудрей заплетена лишь половина:
Стремглав бегу тебя искать,
Пренебрегая гребнем и прической.*

*О, если ты не разлюбил и ждешь —
Я косы живо заплету,
Готова буду вмиг!*

— И это написала девушка, которая еще вчера была ребенком, еще не испытала любви, только ждет ее и тоскует! Счастлив тот, для кого она заплетет свои косы. Но сто крат счастливей тот, по ком она томится и для кого распустит волосы.

Тутмос прослезился, блеснул глазами и взволнованно окинул взглядом высокую фигуру Сатми. Жрец смотрел в даль.

— Это дар, божий дар, — сказал писарь, нежно поглаживая свиток.

— Любовь — также великий дар богов. Человек родился из слез Бога, любовь из Его улыбки.

*

Однажды Сатми проходил мимо высоких стен царского сада и слышал песенку:

*Сердце бьется, как птица в силке.
Если мало тебе —
Берегись,
Я цветок полевой разыщу,*

*Заколдую —
Будешь мой ты вовеки!*

Вслед за песней раздался приглушенный смех, и к ногам Сатми упал цветок. Он поднял голову — в маленьком башенном оконце промелькнула маленькая ручка. Ему показалось, что там блеснули и глаза. Окошко закрывала белая ткань, а внизу, в продолговатой прорези, и впрямь, как звезды, мерцали глаза. Сатми поднял цветок.

*

Инени появился снова. Вновь на рассвете. Сатми сражался всю ночь с какими-то растениями, обвивавшими его подобно змеям. Нефрет манила его лукаво и игриво: «Ты не оставишь меня никогда, правда?»

После этого ему снова пришлось выслушивать речения мудрости.

— Когда стоишь на страже — стой, сиди, но не поддавайся. С первой минуты да пребудет с тобой закон: «Не пошатнись, даже если тоска нашла на тебя». Ты поставлен стражем, Сатми, и долг твой — не дать бесполезной суете опутать себя. Враг хитер и жаждет украсть то, что мы плохо стережем. Твое сокровище в опасности. Запруда, устроенная тобой, дабы собрать воду с гор на время засухи, дала течь. Укрепи ее, пока еще не поздно.

...Не смешивайся с толпой, не позорь свое имя. Ты представляешь храм, источник чистоты, и ищешь союза с теми, кто никогда не поднимается из грязи.

...Беги близости женщин! Тьмы людей пренебрегли ради них своею пользой. Обладание ими — краткий сон, постижение подобно смерти!

Сатми, привыкший за долгие годы молчать перед старцем, сейчас также воздержался от прямого ответа. Он достал из ниши в стене свиток и, найдя требуемое место, зачи-

тал торжественно-звучным голосом:

— «Если ты склонен к добру, заведи себе дом. Возлюби его госпожу, как подобает. Насыщай ее чрево, одевай ее тело. Кожу ее умащай благовонным бальзамом, дабы была достойна тебя — своего господина. Будь нежен, не груб с нею. Услаждай ее сердце, ибо на нем держится дом твой. Не отталкивай ее, ибо это — бездна. Открой свои ладони ее ладоням. Позови ее, прояви пред нею любовь свою». За яствами, благовониями, одеждами есть место для мудрости... Я не ищу ложной любви, что сегодня отдается неведомому бродяге, а завтра пьяному ремесленнику, имени которого не знает. Я ищу любви жены.

— Любви царевны Нефрет? — тихо спросил Инени.

Сатми молчал.

Старец вышел.

*

Сатми уже несколько раз замечал в базарной суете, среди рыбаков, крестьян и пригнанного на продажу скота, недомерка-карлика, слугу Инени. Этот хромоногий престарелый человечек ростом с ребенка служил для Инени связью с внешним миром. Карлик выполнял всевозможные поручения провидца и наверняка обманывал его, совершая покупки. Господин часто колотил его, и он вопил тогда так жалобно, словно старец собирался вытрясти душу из его уродливого тела. Сатми знал его с первого дня своего служения в храме. Карлик напоминал кривого бога Беса, но улыбался совсем не так благодушно. Ему доставляло удовольствие пакостить ближним; карлику было все равно, издевался он над человеком или животным.

Неожиданно сталкиваясь с Сатми, он радостно здоровался и тотчас пропадал, пока опять случайно не выныривал перед ним. Через некоторое время Сатми начало казаться, что за каждым его шагом следят сотни двойников

карлика. Прихрамывая, маленький уродец удалялся в при-
творном смущении, но через минуту вновь появлялся.

*

Снова песенка, еще один цветок...

Сатми опять увидел в окне руку, а с нею и лицо Нефрет, которая уже не скрывалась. Она махала ему рукой и манила улыбкой, после исчезла за светлой занавеской.

Перед Сатми вдруг вынырнул карлик и с гримасой подал ему цветок. Сатми хотелось одним ударом проломить голову уродца, но он лишь вырвал цветок из руки карлика. Тот запищал и исчез.

*

Инени велел Сатми поехать на время в Фивы, однако в тот же вечер заболел и едва смог добраться до постели. Вследствие этого старец изменил свое распоряжение: Сатми не уедет, а останется при нем.

Семь дней не отходил Сатми от ложа больного учителя. Инени не прекращал речений. Было понятно, что он торопился открыть последние, еще неизвестные ученику тайны. Сатми выслушивал предостережения, погружался в изучение тайной мудрости и, мнилось, и думать забыл о царевне. Он сочувствовал ослабевшему, изможденному старцу. Болезнь смягчила жесткий нрав старого провидца и Сатми не раз замечал в его черных уставших глазах странное-нежное выражение.

Однажды Сатми читал вслух учителю изречения из книг мудрости:

— Если ты мудр — воспитай сына, угодного Богу. Делай ему всякое добро, какое сможешь, ибо это твой сын, кровь

от крови своей. Не отворачивай от него своего сердца.

Инени схватил ученика за руку. Сатми взглянул на него. Ему показалось, что глаза старика повлажнели, а на сухих губах заиграла ласковая, чужая этому лицу улыбка. Инени разжал слабые пальцы, выпустил руку Сатми. Прижал худые руки к тяжело дышащей груди и тихо прошептал, опустив глаза:

— Читай дальше.

Сатми продолжал читать слова мудрости — медленно и выразительно.

В боковом проходе святилища Сатми остановил Тутмос. Писарь на кого-то кивнул. Из-за колонны, почтительно согнувшись, выступил мужчина среднего возраста с вытянутым лицом. Его губы были приоткрыты, виднелись большие лошадиные зубы, точно он все время улыбался.

— Доверенный писец царевны, — прошептал Тутмос. — У него к тебе поручение.

— Царевна спрашивается о твоём здоровье и интересуется, почему тебя позавчера не было в святилище. Она также спрашивает, не сможешь ли ты после захода солнца прийти к садовой калитке у северной стены.

Сатми ответил, что придет. Он даже не заметил, как отошел писарь, как приблизился Тутмос. Не услышал, что шептали толстые губы Тутмоса, склонившего голову набок.

— Величайший дар божества — талант сочинять стихи. Царевна — избранница божья, да живет вечно Его имя. Она прекрасна: волосы ее чернее мрака ночи, уста ее слаще винограда и фиников...

Сатми, глубоко задумавшись, отвернулся от Тутмоса. Писарь закатил глаза, прижал руки к своему согбенному туловищу и прошептал:

— Грудь ее — два венка...

Сатми ждал, пока не заснет Инени, бодрствовавший обычно с восхода до заката. Тогда он вышел из комнаты учителя. Карлик, который в последнее время вел себя не так враждебно и был занят уходом за своим господином, не поднял головы и с комическими гримасами продолжал складывать какие-то одежды.

Выйдя из храма, Сатми услышал чьи-то шаги и остановился, словно совесть его была нечиста. После зашагал к царскому саду, обогнул стену и приблизился к небольшой калитке. Несколько секунд выжидал, поглядывая, не идет ли кто; но на дороге никого не было. Заскрипевшую калитку отворили изнутри, и Сатми вошел. Кто-то, кого он не мог рассмотреть в темноте, взял его за руку и потянул за собой. Жрец шел наугад, несколько раз спотыкался, потом ощутил под ногами воду. Задетые провожатым ветки деревьев били его по лицу.

Через минуту рука, что вела его, разжалась и оставила его в одиночестве. Другие руки обвили его шею. Кто-то невысокого роста. Сатми наклонился и почувствовал близость лица, вдохнул аромат близкого тела, узнал ясные глаза царицы и услышал свое имя.

— Я так тосковала по тебе...

Сатми хотел высказать то, что подсказывало ему бешено бьющееся сердце, но вдруг услышал в темноте чей-то строгий голос. На его губах загорелся поцелуй и его снова повели его по невидимой тропинке к выходу. Калитка тихо закрылась за ним.

*

Только утром Сатми заметил, что его одежда испачкана. Инени еще больше ослабел, и в то же время в поведении старца ощущалось странное нетерпение. Карлик копался в низком сундуке с одеждой и старался обратить внима-

ние Сатми на свою работу, как если бы она была чрезвычайно важна. Он подносил к ложу Инени различные одежды и, повернувшись вполборота к Сатми, спрашивал, допустимо ли малейшее пятнышко на духовном облачении и можно ли в загрязненной одежде приносить жертвы боже-ству. Сатми ушел в себя. Он не сразу понял, что Инени собрался встать с постели и принять участие в утреннем богослужении.

Зная, как слаб был Инени, Сатми пытался отговорить его от этого решения, но Инени твердо стоял на своем. Сатми немного успокоила мысль, что речь шла о таком важном ритуале, как молитва о победе в войне, которую фараон вел уже несколько месяцев. Божество должно дать знак, принять ли предложенные условия мира или продолжать войну, изнурительную для обеих сторон.

*

Инени вышел из кельи и направился прямо в святилище. Бессильно опираясь о плечо Сатми и молчал. Сатми опасался, что старец не сможет выстоять всю церемонию богослужения и осторожно высказал свои сомнения. Вместо ответа старец отпустил его плечо и твердым шагом вошел в двери святилища. Службу вел сосредоточенно и спокойно, как всегда.

Сильным голосом прочитал «Главу о возжигании огня».

Разжег огонь и так же спокойно прочитал «Главу о ка-дильнице».

Держа обеими руками кадильницу, Инени углубился в молитву. После этого поставил на кадильницу священный сосуд с тлеющими углями, посыпал угли порошком из затвердевшей душистой смолы. Живыми колоннами, напоминавшими стволы пальм, потянулся вверх ладан голубыми облаками.

С кадьницей в руке Инени подошел к вратам Святая святых, запечатанным глиной. Он с большим усилием про-износил слова, сопровождавшие обряд. Сатми обеспокоен-но шел за ним, однако Инени с неуклонной решимостью выполнял сложный ритуал, не пропуская и не изменяя ни слова.

Он снял глиняную печать с засова священных врат и сказал угасшим голосом:

— Нити сорваны, печать — сломана.

*

Инени очень долго пробыл взаперти в Святая святых. Жрецы начали уже тревожно переглядываться. Ждали, что Сатми заговорит первым, но он молчал и стоял неподвижно. Его дух устремился за Инени и остался там, за святыми вратами.

Наконец они открылись вновь и показался Инени, державшийся за притвор. Он приоткрыл врата с большим трудом и только для того, чтобы снова исчезнуть в Святая святых. Через некоторое время он вышел. Лицо Инени чуть подрагивало, и Сатми понял, что старец ослабел. Провидцу пришлось напрячь все свои силы, чтобы завершить обряд и судорожно дрожащими руками снова запечатать врата.

*

Сатми ощутил, что бессильное тело учителя, опиравшегося на его плечо, словно стало вдвое тяжелее. Тутмос — всегда сочувствовавший другим — вызвался помочь. Придерживал упавшую голову провидца, склонив к нему бритое широкое лицо, как грустная старуха. Поддерживал его,

когда приходилось преодолевать высокие ступени, и вздергивал брови в знак того, что и сам страдает.

Помощи от Тутмоса было немного. Даже крепкий Сатми порядком устал. Когда Тутмос и Сатми на миг оказались за спиной старца, Тутмос легонько толкнул жреца локтем и подмигнул. Под колонной среди женских голов Сатми узнал темную головку Нефрет. Она встала на цыпочки и опиралась руками о плечи стоявшей впереди женщины. Нефрет следила за тянувшейся мимо длинной процессией учителей и учеников, пока не встретилась взглядом с Сатми.

*

Тутмос долго просидел у Инени. Прорицатель передал ему все, что открыло божество. Когда откровение перестало быть тайной, все обрадовались: божество приказало закончить войну и заключить мир.

После того, как гордый своей миссией Тутмос вышел от старца, Сатми направился к учителю.

Карлик запретил ему входить, сказав, что Инени слишком устал и нуждается в отдыхе. Но вскоре Сатми увидел, что карлик — с испуганной миной, весь скорчившись — впустил к Инени маленького и высохшего, как мумия, старика Суаамона.

Суаамон пользовался славой человека, владевшего тайными силами — посредством их можно было поддерживать угасающую жизнь, вылечить болезнь, успокоить боль и даже вызвать смерть. Его все боялись и по возможности обходили стороной.

Босой Суаамон шел с опущенными глазами по каменному полу и прижимал к груди свиток, завернутый в чистую ткань. Это была книга, написанная самим богом Тотом.

Почему-то именно сейчас Суаамон произвел на Сатми

отталкивающее впечатление. Инени, вероятно, послал за Суаамоном в надежде, что чары знахаря принесут ему облегчение.

Это соображение немного примирило Сатми с появлением Суаамона — молодой жрец искренне любил своего учителя. Но все же он испытывал некое внутреннее беспокойство, как при виде притаившейся в кустах гадюки или летучей мыши в сумерках.

Сатми шел к себе, отвечая на поклоны жрецов: видимо, они понимали, что близится час, когда Сатми займет место Инени.

Сатми всей душой надеялся, что сверхъестественные способности Суаамона продлят жизнь Инени. Это отсрочило бы на какое-то время его вступление в обязанности, связанное с различными обременительными хлопотами. Однако высокое положение открывало путь к будущему, при мысли о котором начинало сильнее биться сердце.

Сатми хорошо знал, как высоко ценил фараон Инени и с каким уважением выслушивал его мудрые советы и поучения. Фараон часто осыпал Инени дарами. Он наверняка согласится на брак царевны с преемником Инени. Жена Сатми получит почетный титул первой супруги божества. Жрец парил на крыльях мечтаний. Он уже видел, как Нефрет в сопровождении хора молодых женщин поет чистым звонким голосом гимны, а он в Святая святых славит молитвой властелина мира. Но благоговейное намерение посвятить все часы дня и ночи мыслям о божестве нелегко было осуществить: не только бодрствуя, но и во сне он думал только о Нефрет. К счастью, многолетняя привычка довела его действия до автоматизма: он не забывал молитв и безошибочно исполнял ежедневные обряды.

*

Встречи с Нефрет продолжались. Они всегда были краткими и осторожными. Порой Нефрет тихонько напевала

свои песни. Сатми гладил ее маленькие ручки и перебирал пальчики, похожие на хрупкие игрушки. Рядом с нею он не знал покоя. Иногда пытался неловко обнять ее. Нефрет защищалась. Она упиралась руками ему в грудь и смеялась. Эти короткие взрывы смеха, ее близость и недостижимость лишали Сатми смелости и силы воли. Нефрет не была ни злобной, ни хитрой — она лишь вела себя как избалованный ребенок, испорченный придворной лестью.

— Я красивая? — как-то спросила она.

И прежде, чем он успел ответить, она добавила:

— Да, я — красива и потому называюсь Нефрет.

Она не придавала значения своим стихам — они приходили к ней так же легко, как к птице пение. Часто повторяла вслух некоторые строфы, словно хотела сама опьяниться их музыкой — так птицы снова и снова повторяют одни и те же ноты. Временами ее стихи вызывали у Сатми небывалое волнение: царевна с невинной искренностью касалась того, что наполняло его мечты беспокойством, жгло как огонь, что он вынужден был гнать из мыслей.

Маленькая царевна все больше овладевала Сатми, а он никак не мог заставить себя сделать решительный шаг. Ему нетрудно было бы заявить фараону о своей любви, но при мысли о том, что он должен будет признаться Инени, его охватывал ужас.

С первых дней служения он всегда повиновался неслышаемой воле учителя, обещая посвятить все свои силы исключительно поискам мудрости. Он не забыл своих ревностных заверений, что никакие земные соблазны не смогут отвратить его от избранного пути. Эти заверения он подкрепил не одной клятвой.

Когда Сатми наконец признался Инени, что намерен жениться, старец велел ему замолчать и сказал скорее утвердительно, нежели спрашивая:

— Та, о ком ты думаешь — Нефрет.

Инени ни словом не упомянул его клятвы, точно хотел избавить ученика от неприятного разговора. Но жрец, несомненно, осуждал Сатми и готов был, если понадобится, сурово его наказать.

Что было делать: молчать и ждать смерти старца?

Сомнения, каких он не знал до сих пор, начали наполнять его душу — сомнения в божественном всемогуществе. Этому всемогуществу он противопоставлял силу, владеющую его чувствами — нерушимый образ божества — живую красоту Нефрет. В ней единственной была правда, в ней все спасение.

*

Нефрет охотно прихорашивалась, бесконечно долго тешилась всякими безделушками и могла все краткое свидание посвятить рассказу о каком-нибудь ожерелье, полученном в подарок. Она страстно интересовалась сокровищницей храма.

Но алчность была ей чужда. Для нее, как и для Сатми, внешняя красота предмета была намного важнее его материальной ценности. Сатми, надзиравший за сокровищницей, радостно отвечал:

— Богатство бога безмерно. Он мог бы одарить тебя всеми сокровищами земли, ничуть не обеднев.

— Но он не смог бы меня купить, — недоверчиво и чуть улыбаясь, сказала Нефрет.

— Да, потому ты стоишь много больше всех земных сокровищ. Если бы бог мог бы тебя купить, то одновременно все потерял бы и все выиграл.

— А божество ощущает благоухание?

Сатми перечислил все, что предназначено было услаждать божественное обоняние и хранилось в кладовых храма — мирру, бальзам, ладан.

— В теплые безветренные дни блестят и дышат ароматом листья душистого дерева. Сок капает с них, как пот с лиц рабочих. Мы посылаем невольников с кожаными плетями, и те секут ими листья, пока ремешки не пропитают-

ся ароматным соком. Эта драгоценная смола больше всего нравится божеству.

— Скажи мне, у бога есть зеркала? Какие они?

— Да, — ответил Сатми, припомнив одно стоявшее в нише зеркальце, пустячный в сравнении с другими дар, который не ценили ни жрецы, ни миряне.

— Я с удовольствием глянула бы в зеркало, куда смотрелось божество, — щебетала Нефрет.

Когда Сатми с тяжелым вздохом поднял на нее глаза, добавила:

— Я смотрелась бы в такое зеркало всю жизнь.

На следующий вечер Сатми принес маленькую резную шкатулку, где лежало металлическое зеркальце. Ручкой его служило подобие бога Беса, чья странная прическа — корона из перьев — переходила в отполированный диск. Когда Нефрет достала подарок, в нем отразилось небо, и звезды, и ее личико и глаза, осиянные лучами звезд. Нефрет была счастлива и заявила, что теперь будет смотреться только в это зеркальце.

Сатми рад был бы подарить Нефрет все божьи сокровища и свою жизнь в придачу, лишь бы вечно глядеть на ее лицо и слышать ее голос.

Сатми возвращался в храм, как во сне. Он не заметил тени, которая опередила его и скрылась. Но если бы и заметил, скорее всего решил бы, что это какой-то пьянчуга.

*

Суаамон действительно обладал необычайными познаниями. Семи посещений целителя хватило, чтобы Инени вновь встал на ноги. Болезнь прошла, он был свеж и полон сил. Все устрашились, один только карлик радовался, дергаясь во все стороны, как акробат или плясун. Сатми не радовался и не удивлялся. Все, что не имело отношения к Нефрет, было ему безразлично. Он только внимательнее

прислушивался к старушечьей болтовне Тутмоса — Инени теперь редко достаивал его беседы.

Но как ни полнилась душа Сатми любовью, спокойствие Инени тревожило его. Еще тревожней было непонятное сближение учителя и Суаамона. В условленные часы целитель появлялся в келье Инени, дверь которой была отныне закрыта перед Сатми.

*

Как только Инени выздоровел, свидания с Нефрет прекратились. Верховный жрец находил для Сатми все новые поручения и наконец отправил его в одно из самых отдаленных владений божества, где вороватый управляющий вконец запустил хозяйство.

Не будь при Сатми помощника в лице Тутмоса, он предался бы отчаянию. Тутмос прогонял тоску, рассуждая о Нефрет и ее стихах, теребил Сатми и вовлекал молодого жреца в разговор.

Сатми все больше сживался с мыслью о женитьбе на Нефрет. А клятва? Да, он поклялся, что его обещание непоколебимо, что он всем существом отдастся служению мудрости, что никакие земные соблазны не заставят его свернуть с избранного пути. Так он поклялся. Но если он еще не постиг всей глубины мудрости и его знания не могут сравниться со знаниями учителя, что помешает ему восполнить недостающее? Он молод, перед ним вся жизнь.

Он не жаждал богатств, был безразличен к земным утехам. Конечно, любовь к Нефрет также была земной отрадой, но она не заставит его отказаться от пути истины. Напротив: познание божества требует любви, ибо все, что нас окружает — сотворено божеством из любви.

*

Так Сатми сворачивал с дороги правды на скользкий путь самообмана, подрывая тем самым чистоту своего служения божеству.

К тому же и сам бог, о котором он прежде мог думать лишь с боязливым трепетом, перестал наводить на него страх. Более того: Сатми видел в нем только препятствие к своему счастью — бог теперь казался ему врагом. В бессмысленной гордыне он готов был даже померяться силами с богом, преградившим путь к Нефрет.

*

Когда Сатми вернулся из деревни, где хорошо отдохнул, он нашел дома много перемен. Фараон возвратился с войны, и город в пьяной радости праздновал подписание мира. Солдаты, долго не имевшие возможности развлечься, толпились в питейных заведениях. Улицы гудели голосами пьяных, повсюду можно было видеть бесстыдные сцены — следствие всеобщей разнузданности.

Продажные женщины с небывалым нахальством приставали к прохожим, но это уже так не поражало Сатми, как раньше. Он видел в этих сценах то же проявление зова жизни, что в робких нежностях неопытной девушки, и сдержанно прокладывал себе дорогу среди назойливых и крикливых блудниц.

Инени спокойно приветствовал Сатми, словно между ними никогда не возникало недоразумений; верховный жрец полностью выздоровел.

*

На следующий день Сатми заметил в святилище пи-сая с лошадиными зубами: тот прятался за колонной и

кивал ему. С какой-то озабоченной миной, очень подходившей к оскаленным в улыбке губам, он попросил Сатми быть вечером у известной калитки. Сатми спросил, не случилось ли чего-то важного, но писарь в ответ только махнул рукой. Было понятно, что он что-то знал, но не хотел или не мог рассказать.

Как только писарь исчез в коридоре, подошел Тутмос. Его глаза были круглы, как стеклянные бусины, беззубый рот шамкал. Он был не в силах произнести ни слова.

«И этот туда же...» — подумал Сатми.

Тутмос размахивал руками и отрывистыми фразами выражал свое отчаяние: фараон, чтобы закрепить мир, хочет выдать Нефрет — вдохновенную поэтессу, сравнимую мудростью с самим богом Тотом... — фараон хочет выдать ее замуж за никчемного варвара, который не имеет понятия о стиле, весь оброс щетиной, как кабан, одевается в шкуры и смердит от пота, как последний ремесленник.

Сатми показалось, что Тутмос сошел с ума. Старый писец то превозносил Нефрет, то обрушивался на варвара. Когда? как? почему? — Сатми не мог получить ясного ответа и кипел от ярости, слушая громкие, но совершенно несвоевременные и неуместные нарекания. Он потащил Тутмоса в свою комнату, усадил в кресло, встряхнул за плечи и наконец заставил по порядку рассказать все, что было известно писцу.

В то утро, когда Инени молился в Святая святых, божество объявило верховному жрецу, что Нефрет следует отдать в жены вчерашнему врагу и таким образом обеспечить стране вечный мир. Варвар в сопровождении большой свиты уже прибыл к фараону как почетный гость. Инени настаивал на том, что торжество бракосочетания откладывать нельзя и что после церемонии Нефрет должна незамедлительно уехать с мужем в его края. Но до объявления свадьбы жрец велел держать божественное откровение в секрете.

Облегчив свое сердце рассказом, Тутмос внезапно сообразил, что выдал тайну, о которой узнал только благодаря своему положению в храме. Но Сатми его не предаст, правда?

— А тот, зубастый... может, он узнал что-то худшее? — спрашивал Сатми, пытавшийся хотя бы внешне овладеть собой.

— Он услышал об этом от самой Нефрет... бедной Нефрет...

И горькие слезы снова полились по лицу впечатлительного Тутмоса.

*

Загадочная неясность происходящего произвела на Сатми впечатление хорошо продуманного заговора. Его вдохновителем, несомненно, был Инени. Борьба? Борьба!

Сатми проводил Тутмоса, пообещав, что не выдаст писца; сам он пойдет сейчас к Инени по совсем мелкому делу, связанному с распорядком в святилище.

Но Инени в тот день не мог принять Сатми: у него сидел Суаамон. Так ответил противный карлик.

— Инени не хочет меня видеть. Хорошо! — и Сатми вышел из храма.

*

Сатми направился к Тотнахити, золотых дел мастеру. Тотнахити побледнел, увидев жреца. Робкая услужливость сменялась на его лице деланной беззаботностью, пока Сатми молча оглядывал бедную лавку.

Ювелир похитил часть золота, которое получил для изготовления ожерелья. Приход Сатми, ведавшего государственной казной, означал, что кража выплыла наружу. Сатми и в самом деле обнаружил хищение, но сочувствовал небогатому отцу нескольких вечно плакавших детей. До сих пор Сатми молчал. И теперь он пришел к Тотнахити не с требованием золота или денег, а с просьбой об услуге.

Тотнахити был готов на все — он знал, что жрецы не любят шутить, когда речь заходит о защите интересов божества. Ему не хотелось утратить и жизнь, и право на честные похороны.

Ювелир извивался перед жрецом, как червяк. Жрец велел ему колотить молотком по слитку серебра; пусть возьмется за какой-нибудь наплечник и стучит посильнее, а он, Сатми, второй пророк Амона, скажет ему кое-что, чего никто не должен слышать.

*

Тотнахити, сжимая в клещах серебряную пластину, принялся бить по ней молотком, наклонившись поближе к Сатми.

— Мне нужна лодка и проверенный человек, а также обычная одежда — мужская и женская. Мне понадобится немного еды и серебра, чтобы купить все необходимое. Я знаю, сколько ты украл сейчас и сколько припрятал в прошлый раз. Ты отдашь половину украденных из храма ценностей, а вторая половина останется тебе как награда за молчание. Подготовь все быстро, еще сегодня. Прежде чем взойдет луна, все должно быть на месте.

Тотнахити работал невнимательно, то и дело попадая мимо наковальни и серебряной пластины — глаза его бежали и он словно искал, где бы спрятаться. Его подбородок затрясся, и он сказал хриплым голосом:

— Амон свидетель, как я раскаиваюсь... но так быстро я не успею. Люди жадные, они потребуют больше, чем сможет им дать такой бедный раб, как я... Как я буду кормить детей, когда они станут умирать от голода?

Он весь побледнел и раскрыл рот с трухлявыми зубами, не знавшими иной пищи, кроме сухой лепешки, где было больше песка, чем муки. На лбу от напряжения и испуга выступили капли пота.

Сатми положил руку ему на плечо:

— Ты и сам жаден до золота, Тотнахити. Если ты не поклянешься, что все исполнишь — завтра утром представишь перед судом Инени.

Вошла женщина и спросила, готовы ли ее серьги.

Тотнахити обратился к Сатми:

— У входа в храм ты найдешь одного человека. Обратись к нему моего имени — он сделает все, что нужно.

Сатми кивнул и вышел.

*

Солнце клонилось к закату. Сатми бесцельно блуждал по улицам. Он оказался в бедном квартале и пугал своим появлением несчастных, мучившихся здесь за ничтожный заработок. Нищие просили милостыню, но он ничего не слышал. Глухой к голосам внешнего мира, он прислушивался лишь к голосу собственного сердца. Потянулись улицы с лавками и кабаками. Он машинально переступал через тела пьяниц и отстранял руки, протягивавшие ему кружки с вином и пивом. Воины, бездельники и честные отцы семейств, праздновавшие счастливое возвращение сыновей, пели, хохотали и шутили хриплыми голосами, не забывая время от времени рыдать... Дородный гуляка с венком на шее колотил себя кулаками по животу, подпевая. Опьяневшая женщина совала в рот певцу сладкое печенье. Рядом пьяница валялся на земле и взмахивал руками, считая, что плывет по реке, а другой силился его укусить, воображая себя крокодилом. К Сатми прильнула молодая девушка, погладив его по руке. Он взглянул на нее — какая-то черточка или линия мягких губ напомнила ему Нефрет. Он сжал руками виски и вырвался из объятий; женские руки сразу сомкнулись на шее пьяного воина из царской стражи.

*

Солнце зашло. Золотой челн исчез, темнота опустилась на землю.

*

Сатми стоял у садовой калитки. Кто-то за стеной тихо позвал его. Он вошел осторожно, как в комнату больного. Когда-то он приходил сюда в совсем другом настроении. Не заметил, что в небрежно приотворенную калитку кто-то вошел и последовал за ним, держась поодаль. Он шел быстрыми шагами, а сопровождавшая его женщина молча плакала. Провожатая повела Сатми через сад к маленькому домику. Внутри горела затененная лампа. Откуда-то из темного угла выскользнула Нефрет. Сатми не сразу узнал ее в полутьме. В ее глазах он не увидел радости встречи: они были безнадежно грустны. Губы плотно сжаты, как у старшей сестры — царицы.

Нефрет порывисто приблизилась и подняла руки, собираясь обнять Сатми, но руки ее упали и сползли по складкам плаща, будто разглаживая их.

Они молчали. Шелохнулась оконная занавеска — могло почудиться, что за окном кто-то прятался.

— Нефрет! Хочешь ли ты стать моей женой?

Царевна подняла глаза, в которых читалась укоризненная мольба: «Зачем ты напрасно мучаешь меня?...»

— Ты согласишься покинуть отчий дом и разделить со мной все тяготы неведомого будущего?

Нефрет внимательно слушала.

— Когда взойдет луна, нас будет ждать лодка. Пойдешь ли ты со мной?

Тихо, как наплакавшийся ребенок, ответила Нефрет:

— Я возьму обычное платье, мою любимую накидку и

шкатулочку с зеркалом, которое ты подарил...

— Я уже ухажу, Нефрет. Жди меня у калитки. Я найду человека, который проведет нас к лодке и поможет нести твои вещи.

Нефрет наклонилась к возлюбленному. Сатми поцеловал ее, как сестру. В ту минуту она и впрямь показалась ему сестрой.

Так началась совместная таинственная жизнь, связавшая их навеки.

*

У самых ворот храма Сатми заметил какого-то человека; он оглядывался по сторонам и что-то искал на земле.

— Тотнахити, — произнес жрец.

Человек вздрогнул, выпрямился и повернулся к нему.

— Все готово?

— Быстрее, скоро взойдет луна.

— Идем.

*

Они даже не шли — бежали. Стена сада казалась бесконечной. У калитки что-то покатилося под ногами. Сатми нагнулся и схватил карлика.

Карлик скулил, как собачонка, пытался укусить Сатми за руки, искавшие его шею. Сатми наконец нащупал этот незаметный отросток между плечами и головой согляда-тая. Изо всех сил сдавил пальцами его шею. Карлик уже не скулил — хрипел, царапался и сучил ногами. С трудом оторвав уродца от земли, Сатми начал бить его головой о стену. Наконец почувствовал, что тело карлика бессильно обвисли. Руки стали липкими. Сатми швырнул карлика на зем-

лю, как подушку. Глубоко вздохнул и позвал:

— Нефрет!

Калитка отворилась и в проеме появилась высокая фигура.

Это был Инени.

— Ступай за мной! — приказал учитель.

*

Дорога к храму была долгой. Дорога к храму была тяжелой. Сатми думал, что у него не хватит сил довести, вернее, дотащить Инени до святилища. Тело старца держалось последним усилием уже умиравшей воли. Он едва переступал неверными ногами. В зловещем свете луны, падавшем на Сатми, как обвинение, он отчетливо видел широко раскрытые глаза Инени. Обессиленные и немые уста верховного жреца застыли в беззвучном крике. В этом жутком рту тяжело, как змея, шевелился язык. Лицо Инени более не походило на лицо живого человека. Душа покидала тело провидца. Сатми словно тянул за собой мертвеца. Он втащил бесчувственное тело Инени в скромную келью. Когда склонился над старцем, тот уже не дышал. Его руки и ноги окоченели, бритая голова свесилась с ложа.

*

Так Сатми стал верховным жрецом. Завтра утром он пойдет в святилище. Отныне божество будет возвещать свою волю ему, а не Инени. Инени был трупом и его место занял живой Сатми. Кто мог теперь противиться его воле — воле верховного жреца, означавшей волю божества?

Факелы колыхались, толпились жрецы, с храмового двора доносились возгласы:

— Инени умер! Инени покинул нас!

Люди уже хлопотали возле умершего, заботясь о точном выполнении предписанных обрядов.

Сатми надел облачение верховного жреца — он был теперь им и владел всем божественным и всеми прислужниками божества. На его груди блестели священные украшения, с плеч ниспадала леопардовая шкура — знак высочайшего положения. Повелительный тон и гордая осанка сразу завоевали ему уважение даже тех, кто еще сомневался в выборе Инени.

К рассвету ложе Инени опустело. Тело покойного готовили к бальзамированию. Вспарыватель, по отметке в нижней части туловища, рассек тело острым ножом из эфиопского камня. На него посыпались ритуальные проклятия и вспарыватель бросился бежать, прикрывая голову от ударов палок и камней. В это время Сатми стоял с кадиланицей перед Святой святы и звучным голосом читал «Главу о возжигании огня».

Когда он произнес: «Я чист, ибо очистил себя», его голос задрожал. Руки, покоившиеся на святой кадиланице, он долго мыл водой и содой, но все-таки ему казалось, что следы крови глубоко въелись в кожу. Он надел чистые одежды, но словно видел на них кровавое пятно.

Не без опаски он сломал печать, которую поставил на врата учитель. Умастил статую божества медом, овеял благовонным дымом.

— Я пришел, дабы видеть щит солнца и его кружной бег, ибо я чист.

Сатми обнял статую, чтобы оживить божество, наполнить его собственной жизнью.

Но животворный источник истины был отравлен ложью.

Напрягая все силы, Сатми сжал в объятиях статую — и почувствовал, что его тело не соприкасается с нею. Нечто сродни невидимой ткани простерлось между ним и божеством, на помощь которого он надеялся. Замерший лик божества был загадочен, взгляд эмалевых глаз — непроницаем.

Сатми вышел из Святая святых. Ему казалось, что другие священники читают на его челе жгучие знаки позора. Но нет — они погрузились в молитву и были заняты ритуалом. Сатми повернулся и вновь вошел в Святая святых. Он старался не смотреть на статую — как в последние дни избегал взгляда учителя — и торопливо произносил молитвы.

*

Сатми вопрошал божество со страхом и трепетом, но бог не давал никаких ответов. Он равнодушно молчал, оставляя в силе прежнее решение: Нефрет должна выйти за варвара. Но божество ошибалось. Впервые со дня сотворения мира оно совершило ошибку и он, Сатми, наставит бога на правильный путь, дабы люди не считали властителя мира несправедливым. Он, Сатми, провозгласит истинную божественную волю — не ту, что открыл старый, полумертвый Инени.

*

Сатми запечатал Святая святых и, завершив богослужение раньше обычного, провозгласил:

— Воля божества! Царевна, любимица божья, должна стать женой верховного жреца!

Ряды загудели в смущении. Сатми видел в толпе много придворных. Одежды их были разодраны — фараон, их повелитель, скорбел по Инени. Писарь с лошадиными зубами вдруг задергался, принялся колотить бить себя палкой по бритой голове и взревел, как дикий зверь, нарушив торжественную тишину. Толпа последовала его примеру и святылище огласилось жалобным плачем.

Тутмос пал на колени перед Сатми. Он гладил его ноги и повторял имя Нефрет. Сатми наклонился к нему.

— Скажи мне, что случилось?

— Нефрет, божественная Нефрет мертва. Мы нашли царевну бездыханной в ее покоях. Ах, ее душистое дыхание прервалось...

Сатми оттолкнул ногой сморщенное лицо и быстро пошел к выходу.

*

В царском дворце царил сует и скорбь. Женщины, разрывая на себе платья, метались полуголые из комнаты в комнату, вопя и рыдая на весь дворец.

«Нефрет! Нефрет! Нефрет!» — повторяло эхо как призыв, как заклинание.

В этих залах можно было заблудиться, как в лабиринте. Сатми шел туда, где рыдания звучали громче.

Он уже перед покоем, уже входит.

На белом ложе — тело Нефрет. Неподвижное, маленькое, незащитное тело.

При появлении Сатми вопли утихли. Кто-то всхлипнул, кто-то глубоко вздохнул и наступила тишина. В спальню вошел фараон. Рядом, вся в слезах, шла царица, сестра покойной. Безграничная боль исказила юношеское лицо фараона и красивые черты его жены. Сатми не двинулся с места при виде фараона. Общее горе уравнило сына небес и слугу божества.

Затем он подошел к мертвому телу. На закрытых глазах лежала темная тень. Губы были чуть приоткрыты, блестя матовые зубы. Лоб, обрамленный черными кудрями, казался еще белее. Скулы окаменели. Руки, маленькие ручки вытянуты вдоль тела.

Сатми, забыв о фараоне, упал лицом вниз рядом с телом Нефрет.

*

Кто-то коснулся плеча Сатми. Сам фараон помог ему встать. Сейчас придут за телом Нефрет. Пора начинать балъ-замирование. Большая муха, словно выкованная из металла, сновала по личику царевны. Будто хотела все изучить — проползла по неподвижным ресницам, заглянула в ноздри заострившегося носика и по-хозяйски расположилась на губах, еще недавно игравших улыбкой.

Сатми пришел в себя. С неумолимой ясностью ему представилось, как в нос Нефрет просовывают железный крючок и он доходит до мозга... мозга, родившего слова:

*Любовь к тебе вошла мне в плоть и в кровь
И с ними, как вино с водой, смешалась.
Как с пряною приправой — померанец
Иль с молоком — душистый мед.*

Вспарыватель держит наготове острый нож, собирается распороть тело царевны. Возможно ли? Нет, он не смеет!

Мысли блуждают и не находят выхода. Инени, Тутмос, писарь с лошадиными зубами, Суаамон...

Суаамон! К нему!

Сатми приказывает ждать. Он вновь овладел собой:

— Так приказывает бог. Ждите!

*

Пришел Суаамон. В храм, к Сатми. Худой и желтый, как мумия. Подслеповатые глаза напоминают взглядом маленького щенка. Выглядит жалким, совсем не опасным.

— Нефрет мертва, — сказал Сатми.

Суаамон утвердительно кивнул головой: так было суждено.

— Ее собираются бальзамировать.

Снова кивок.

— Нож вспарывателя не смеет коснуться ее тела.

Глаза Суаамона беспокойно забегали.

Сатми помнил древние поверья — не то выдумки, не то правду. Говорили, что знахари знают способ предохранить бездыханное тело от разложения. Благодаря их тайным настояям и заклинаниям мертвое тело сохраняет прижизненный облик: умерший кажется спящим.

Тревога Суаамона доказывала, что поверья не лгали.

— Нефрет должна остаться такой, как сейчас. Никому не позволено извлекать ее внутренности, ее мозг, ее сердце.

Суаамон еще больше заволновался.

— Это невозможно. Я не могу этого сделать... Царевна не для того умерла.

— Так ты знал о ее смерти?

Сатми заметил довольное выражение на лице Суаамона — так не соответствовавшее всеобщему трауру. Припомнил частые визиты целителя к Инени... В нем проснулись подозрения.

— Ты обо всем знал! Ты сам это устроил! Говори! Я убью тебя! — кричал Сатми, тряся знахаря.

Суаамон побелел, но твердо сказал, зная свою силу:

— Я помог убить Нефрет.

*

Суаамон еле шевелился на полу. Сатми бил его ногами и душил. Он готов был разорвать знахаря на куски и расколоть его череп. Суаамон, тяжело дыша, вырвался и бросился к двери, но Сатми преградил ему дорогу:

— Ты сделаешь то, что я скажу, Суаамон. Либо тело царицы будет сохранено без бальзамирования, либо...

Суаамон высвободился из его хватки.

— Пойдем.

С появлением знахаря во дворце поднялась суматоха: его все боялись и никто не ожидал от него ничего хорошего.

Он осмотрел тело Нефрет и велел показать комнату, где царевну настигла смерть. Сатми шел за ним.

В маленькой комнате было немного вещей, но каждая отражала вкус Нефрет. Сатми слышал от нее и Тутмоса, что даже мелкие безделушки царица лично заказывала мастерам, которые совещались с нею и строго выполняли все ее указания. Склонность к искусству она унаследовала от отца — царя-вероотступника, художника и поэта Эхнатона.

Суаамон нервно осмотрел комнату. Он наклонился, как будто что-то высматривая, ощупал рукой пол и сжал пальцы. Выпрямился и попытался что-то спрятать в складках одежды.

Сатми, следивший за знахарем, схватил его за руку и вырвал из его пальцев какой-то предмет. Это был талисман из зеленого фаянса — символ жизни. На талисмане, надломанном с одной стороны, было вырезано имя Нефрет.

Суаамон глядел спокойно, точно торжествуя — вот неопровержимое доказательство, что опыт удался!

При виде талисмана Сатми окончательно поверил, что таинственные силы способны оградить тело от смертного тления. Тот, кто в этом сомневался, был лишен веры. А он теперь твердо верил, что божество может услышать горячие молитвы и оживить умершую. Понадобится лишь особая жертва, и мертвое тело Нефрет наполнится животворной силой — личико зарумянится, уста заговорят, она вновь

начнет дышать.

Есть ли жертва, перед которой он остановится? Только бы уберечь, сохранить тело от распада, пока божество не снизойдет к его жертве, не внимет его молитвам...

*

Суаамон пришел в сопровождении одного из храмовых служителей и принес все, что требовалось для великого делания. При нем была шкатулка с талисманами и книга Тота. Он приказал всем, за исключением Сатми, покинуть святилище, зажег неведомые благовония, облачился в одежды, напоминавшие облачение жреца, и возложил на голову тиару.

Во мгlistом дыму мрачно горела лампа. Обнаженное тело Нефрет блестело, как в лунном свете. Сатми стоял в ногах умершей и следил за действиями знахаря. Суаамон расплавил воск. Когда воск немного загустел, он запечатал им ноздри царевны. То же проделал с ушами. Глаза прикрыл тонкими золотыми пластинками с символами жизни, поверх которых крепко затянул повязку. Третьим талисманом запечатал и такой же повязкой завязал уста Нефрет. Сильно стянул в щиколотках ноги, колени и плечи обвил широкими полотняными лентами, завернув в них клочки папируса с заклинаниями.

Тело, сказал Суаамон, нужно будет отнести в комнату, где умерла царевна.

После этого он обратился к Сатми и потребовал сломанный талисман.

Сатми неохотно передал знахарю требуемое.

— Чтобы деяние возымело силу, кто-то должен заявить, что готов поделиться жизнью с царевной. Этот человек, не исключено, умрет на месте.

Неужели Суаамон пойдет на это?

— Лишь тот, кто готов взять на себя жертву, может оживить умершую, — пояснил знахарь, опустив глаза.

— Я готов! — быстро ответил Сатми.

— Напиши свое имя на обратной стороне талисмана.

Знахарь протянул ему металлическое стило и Сатми царапал на талисмানে свое имя.

Суаамон сжал талисман в ладонях, вытянул руки и резко поднял их вверх, что-то бормоча. Затем потер одну ладонь о другую и отдал Сатми целый, без всяких трещин и сколов талисман.

Это был обычный фокус уличных чародеев, но ради спасения царевны Сатми с радостью согласился бы на любой обман.

Затем Суаамон попросил нить из одеяния Сатми. На белую нить он подвесил символ жизни и повязал ее вокруг шеи Нефрет.

Она лежала с сомкнутыми губами и закрытыми глазами.

По приказу Суаамона из небольшого, ярко раскрашенного сундука, где царевна хранила свои платья, извлекли всю одежду. В этот сундук, как в гроб, положили царевну. Тело прикрыли сухими, остро пахнущими травами и посыпали искрящимся порошком.

Суаамон велел закрыть крышку, поставил на сундук в нескольких местах печати из глины и оттиснул на них магические знаки.

На протяжении семидесяти дней запах трав должен был насыщать тело царевны. Семьдесят раз следовало возжигать расставленные по углам комнаты кадила с густыми курениями, принесенными знахарем. Двери и окна завесили плотными занавесами. Никто не имел права тревожить покой царевны без исключительно важной причины. Тот, кто зажигал кадила утром, мог вернуться в

покои не ранее следующего утра — дым курений был вредоносен для живых.

*

Все наказы знахаря соблюдались неукоснительно. Чужеземные невольники, которым Сатми приказал следить за Суаамоном, не боялись его чар и не отходили от него ни на шаг. Но Суаамон и не собирался бежать. Он прилежно читал книгу Тота и, похоже, намерен был честно выполнить обещанное.

Доверенная служанка, накануне встречавшая Сатми в саду, рассказала ему все.

Царевна велела ей собрать все необходимое для дальней дороги. Служанка принесла ей шкатулку с зеркальцем и царевна начала причесываться. Служанка стала собирать вещи и убираться в покоях, после вышла в боковую комнату, чтобы принести дорогие сердцу госпожи мелочи — коробочку с красками для лица и флакончики с притираниями.

Вдруг она услышала крик в комнате госпожи. Когда вбежала, увидела царевну на полу, а в дверях, со спины, высокого человека в одеянии жреца. Она подумала, что это был Сатми и что он явился предупредить царевну о каких-то неожиданных трудностях, связанных с побегом. Служанка склонилась над царевной — и не поверила, что видит мертвое тело. Просидела рядом до утра в надежде, что госпожа лишь занемогла и вскоре очнется. Служанка не решилась звать на помощь, боясь навлечь на себя царский гнев, если тревога окажется напрасной.

Только к утру холодное тело госпожи открыло ей страшную правду.

*

Нефрет убил Инени при содействии Суаамона. Сатми обмануло притворное равнодушие старца. Смерть царевны виделась Инени единственным выходом: он не мог позволить любимому ученику нарушить священную клятву.

И из одной любви нанес ему такой жестокий удар.

*

Семьдесят дней ожидания превратились в бесконечную пытку. Сатми непрестанно молил божество вернуть ему Нефрет. Что значила эта малая милость для Творца Вселенной?

Мечтал, что умершая Нефрет почерпнет его жизненные силы, вернется к нему и сольется с ним в едином теле.

А клятва?

Если Нефрет оживет, он посвятит всего себя, устремит все свои помыслы к познанию таинств мудрости.

*

Чем ближе подходил назначенный срок — тем ревностнее молился верховный жрец. Нет, уже не молился, а требовал и угрожал. Он тряс статую божества, как некогда знахаря, и проклинал небо, землю и их властителя. В утро семидесятого дня он покорно и обессиленно сидел на серебряном полу перед образом божества. Золотой лик был равнодушен, эмалевые глаза смотрели в пространство, позолоченные уста молчали.

Появился Суаамон. Он снял с гроба печати, вынул травы и приказал извлечь тело царевны. Оно не изменилось, лишь казалось немного похудевшим. Смуглую кожу покрывала золотистая пыльца — как крошечные лепестки, опавшие с цветка. Тело стало упругим.

Суаамон надел на царевну ожерелье и два наплечника. После позвал бальзамировщиков и велел им подготовить тело к похоронам по священному обряду.

*

Нефрет занялись похоронные служители. Они недовольно поглядывали на тело, которое не пролежало семьдесят дней, как положено, в натровом щелоке, не высохло и не пожелтело, а вместо этого покрылось золотистой пылью, издавало острый запах трав и, с сомкнутыми губами и закрытыми глазами, казалось спящим.

Суаамон не позволил положить на сердце Нефрет вырезанного из сердолика жука-скарабея с ее именем. Знахарь только перевернул спрятанный в ее ожерелье талисман с символом жизни: имя умершей оказалось теперь на внутренней стороне, а имя Сатми — на внешней. Верховный жрец Амона грустно следил за этой церемонией.

На тоненьком пальце царевны блестело колечко из золота и зелено-синей эмали, которым она так восхищалась.

*

Тело Нефрет стали пеленать длинными льняными полотнищами. Каждый виток все больше скрывал золотистое тело, лишь светился открытый треугольник на лбу — трогательный символ прощания и потаенной надежды. Сатми прикоснулся к нему дрожащими губами. Последнее любовное прощание для уходившей в царство теней, на луга блаженных — жестокое расставание для живых.

В эти прощальные часы Сатми мысленно снаряжал Нефрет в далекий путь, готовил ее душу к мигу, когда та предстанет перед вечным Судьей. Душа Нефрет скажет ему, что

за свою короткую жизнь царица не успела вдоволь испытать из чаши радостей.

Между слоями бинтов на ее теле покоились амулеты — спутники по путешествию в царство теней.

Священные амулеты были изготовлены руками лучших мастеров из самых драгоценных материалов: здесь были изумруды, аметисты, гранаты, аквамарины, агаты, яшма, лазурит, обсидиан, офиолиты, гематиты, бирюза, янтарь, кораллы, малахит, жемчуг и золото.

Здесь были скарабеи — символы возрождения жизни, ибо новая жизнь восстает из зарытого в землю шара, который они толкают перед собой, пряча в нем яйцо. Здесь были маленькие колонны, символы постоянства, и ястребы, символизировавшие силу божьей матери Исида. Здесь были скипетры из папируса, изображавшие силу вечной молодости, соколы с человеческими головами — символы единения души и мумии, лягушки как знак воскресения и неудержимого бега жизни и лютня-нефер, соответствовавшая имени умершей и служившая символом радости и удачи. Наконец — божественное око, дарующее здоровье, и солнце — символ вечности.

Эти и другие амулеты были призваны охранять жизнь, способствовать воскресению и вместе с бинтами служить стеной для защиты от разрушительного наступления времени.

Нефрет завернули в мешковину, исписанную отрывками из книги «О Явлении пред Ликом Света». Опытные руки пеленали ее осторожно и бережно. Жрец, проводивший обряд, склонился над покойницей, нашептывая ее душе советы, как вести себя в путешествии.

Умершую накрыли последним покровом из мешковины, шафрановое полотно зашили и обвязали лентами. Этот сверток уже не напоминал человеческое тело.

«Ступай в далекий путь, Нефрет! Сатми будет сопровождать тебя, ибо его имя вырезано на твоём амулете. В нём он, любящий тебя. Вместе с тобой будет он звать твоё сердце, пока жизнь не вернется к тебе, будет стучать, как цыпленок в скорлупу, пока твоё сердце не забьётся под этим покрывалом.

Сердце мое, родное мое сердце! Благодаря тебе я начал жить, о, сердце.

Не дай имени моему увясть. Не дай лжи пасть на мои слова пред могущественным властителем Аменти, страны нисходящего Солнца.

Никогда не устанут уста мои повторять твоё имя, Нефрет, возлюбленная моего сердца...»

Так молитвенно шептал Сатми.

*

Семьдесят дней готовили тело Нефрет к далекому путешествию.

Семьдесят дней до изнеможения трудились художники, расписывая стены высеченной в скале усыпальницы, которую фараон приготовил для себя. Он уступил гробницу своей любимице, заменившей молодому фараону сестру.

От горя постарел фараон и выглядел как воплощение скоби. Он приказал личному секретарю Нефрет прилежно переписать все, что она ему диктовала, и положить свитки в драгоценную шкатулочку. Её песни должны были уйти с нею из жизни, дабы она могла их петь после смерти.

Семьдесят дней работали резчики над скульптурами людей — пекарей, прачек, гребцов, золотых дел мастеров, слуг и рабов, что должны были служить Нефрет в загробном мире. На стенах гробницы появились изображения широких полей, тучных стад и богатых рыбой рек, что доставят ей щедрые дары.

Саму царевну фараон велел изобразить в кругу друзей, дабы вечно наслаждалась она их беседой.

*

Лучший художник фараона, хоть и еретик, был ценителем красоты, разделял горе Сатми и сумел это горе передать. Он изобразил верховного жреца у гробницы, встречающим похоронную процессию. Ученики мастера дивились живости изображения. Имя верховного жреца навеки соединилось с именем царевны, чья смерть так глубоко потрясла Сатми.

Кроме предметов повседневного обихода, ремесленники изготовили для усыпальницы немало прекрасных вещей. Это было приданое царевны, и оно должно было поразить ее жениха из варварской страны, дабы и он искренне соболезновал фараону и печалился о красавице, предназначенной ему в жены.

*

Погребальная процессия шла медленно и величественно. У входа в усыпальницу мумию положили на песчаный холмик. Жрец молился, плакальщицы рыдали. Сестра Нефрет, царица, убрала мумию цветами. Фараон еще раз поцеловал свою любимицу.

— О, Нефрет, я скоро тебя покину! Когда отойду, ты останешься одна и никто не пойдет за тобой. Ты, так любившая петь — теперь молчишь. Ты, веселившая меня шутками — ничего не отвечаешь...

И хор плакальщиц продолжал рыдать:

«Плачьте по ней, дайте волю слезам! Ты, сиявшая как лик солнца, обречена теперь на одиночество, ты, так любившая танцевать — теперь связана, ты, носившая драгоценные одежды, теперь лежишь, завернутая в грубые покрывала!...»

Столбы дыма уходили вверх. Сатми равнодушно слушал причитания — он слышал только песню своего сердца:

«Нефрет, которую ты целовал так мало — уходит от тебя...»

*

Мумию внесли в склеп. Жрец омылся обычной и красной водой, очистил себя южным кадилом и северным курением, возвратил Нефрет ее тень, бежавшую от царевны за несколько минут до смерти, вернул ее конечностям подвижность. С помощью железных инструментов он таинственным образом отверз уста Нефрет. Пала преграда, что могла помешать ей насладиться жизнью, полной теней, к которой подготовили ее близкие в набожной любви.

*

Нефрет положили в саркофаг, напоминавший очертаниями человеческого тело. Золотая маска была лишь бледным подобием прекрасного лица царевны. Гроб закрыла золотая крышка с орнаментами и резьбой. Все скорбящие покинули склеп. Последним вышел Сатми. Его ноги налились свинцом, в груди была пустота, ибо сердце его осталось в гробу Нефрет. В руках он нес цветы, сорванные с украшавшего мумию венка. Из склепа доносились только голоса рабочих, которые должны были запечатать вход.

Сатми низко, едва не упав, склонился перед раскрашенной статуей, изображавшей Нефрет в белом платье, с лотосом в руке. Он положил на пьедестал цветы и быстро отошел. Рабочие выбили подпорки и тяжелый обломок скалы упал, загородив вход. Поспешно, торопясь на тризну, установили надгробную плиту.

*

Тяжек был для Сатми погребальный пир, мучительны песни и танцы. Огнем жгли его восклицания:

«Наполняйте счастьем свои дни, ибо лишь мгновение длится наша жизнь! Наполняйте их счастьем, ибо по смерти на веки вечные сойдете в могилу!»

И одновременно, воздавая дань торжественного уважения смерти, смягчая этот вызывающий призыв, погребальный арфист ударил по струнам большой красочной арфы и запел гнусавым бесстрастным голосом:

«Величествен наказ великого Осириса, чудесная от начала веков назначена воля. Пожирает время людские тела, и люди нас покидают. Приходят другие на их место. Боги и фараоны, бывшие некогда, покоятся в своих пирамидах. Лежат их подобья и мумии, но остались дворцы их пустыми... А потому утешь свое сердце, следуй его веленьям. Свешай дела свои на земле по велению своего сердца, пока не придет к тебе день оплакиванья. Осирис не слышит скорбных криков и воплей. Причитания никого не спасают от могилы. А потому праздный прекрасный день, устремляйся к счастью. Видишь, никто не взял с собой своего достоинства, никто из ушедших не вернулся обратно».

«Нет у меня другого желания, одно только знаю счастье: вернуть Нефрет к жизни со мною...»

Сатми последним отошел от усыпальницы. Голоса шедших впереди замирали, ночь спускалась на землю. Ночь, лишенная надежды на рассвет, воцарилась в его душе.

Пересекая Нил, плывя на восток, в направлении храма, он снова и снова повторял:

— Нефрет — Нефрет...

*

Эхом отозвался чужой голос:

— Он зовет Нефрет, он жив.

Сатми показалось, что этот голос ему знаком.

— Райт! вы не слышите?!

Райт открыл глаза и увидел склоненные над ним лица: лорда и Мэри.

Он весь утонул в прошлом и не мог понять, где находится.

Его положили на носилки и понесли. Носилки покачивались, он закрыл глаза... Покачивается лодка, он пересекает Нил и приближается к храму и своему дому. Нефрет — погребена. Он — один.

Теплый ветер ударил Райту в лицо. Он глянул и вновь зажмурился, встретив яркие лучи солнца.

Да, сомнений нет: Мэри, лорд, рабочие...

*

— Это могло закончиться для вас печально, дорогой Райт, — сказал лорд Карнарвон, сидевший у его постели. — Как вам пришло в голову забаррикадироваться в гробнице? Зачем эти секреты? К счастью, ваша жена вовремя сообщила о вашем исчезновении. Иначе я, честно говоря, не обратил бы на это внимания. А проклятые сторожа даже не заметили, как вы прошли мимо! Не будь вашего плаща, зацепившегося за плиту у входа, никто бы не догадался, что вы проникли в склеп Нефрет! Зато вы совершили первоста-

тейное открытие.... примите мои поздравления! Мне же не повезло! — директор запретил мне прикасаться к гробу фараона, мужа сестры Нефрет. Я был почти у цели и из-за глупого запрета... Я нашел потайной вход... Согласно надписям, там находится гробница Сатми, верховного жреца Амона. Что с вами, Райт?... Почему вы вдруг так побледнели?

— Вы уже побывали в гробнице? — спросил Райт.

— Еще нет.

— Боже мой, я прошу вас... — горячо начал Райт.

— В чем дело? Говорите же...

— Не трогайте саркофаг.

— И вы заодно с директором, Райт?!

— Возможно, позднее я вам все объясню.

— Не волнуйтесь, прошу вас. Кажется, я начинаю понимать...

Он пристально посмотрел на Райта. Лицо ученого во всем походило теперь на изображение жреца с фрески при входе в усыпальницу Нефрет. Сходство и впрямь любопытное и таинственное...

— Хорошо, хорошо... Обещаю вам, что не притронусь к саркофагу.

*

Лорд Карнарвон самолично наблюдал за работами в усыпальнице Нефрет и внимательно присматривался к ценным фрескам. Рядом с изображением священника он обнаружил его имя — Сатми — и полный титул.

— Осторожно, осторожно... — напоминал он рабочим, когда те выносили гроб Нефрет. Сам поддерживал его с той стороны, где покоилась голова.

Директор употребил все средства, чтобы пресечь разыскания лорда. Теперь настала очередь Райта. Но необычная история молодого ученого, который чуть не погиб в усы-

пальнице Нефрет, попала в прессу и стала сенсацией. Директор музея, хоть и являлся человеком науки, был не чужд сентиментальности. Осмотрев гробницу, он убедился в невероятном сходстве жреца и Райта — и решил, что Райт был достаточно наказан, пережив ужас смерти. Ему даже показалось, что Райт поседел.

Газетчики мечтали заполучить фотографии Райта и заручиться правами на репродукции настенной живописи. Фотография трудностей не представляла — достаточно было поймать Райта где-нибудь на улице... но право на публикацию репродукций фресок мог предоставить только директор. И он наслаждался шумихой в прессе:

«Чем больше шума, тем выше цена. Райт может забрать себе маловажные мелочи, даже саму мумию — мумий в музее и так хватает...

Один французский ученый встал на защиту немецкого коллеги? Почему бы и нет? Красивый жест! На войне — враги, в науке — рыцари. “Желаєте разрешение? Пожалуйста, к вашим услугам... Дам и рабочих... Можете паковать, что хотите...”

Но больше ни единому немцу не захочется вести здесь раскопки... за это уже ручаюсь я — директор музея... Лорд может катиться ко всем чертям!

Что вы сказали? Он заболел?... Месть умерших, говорите? Небылицы. Но если лорд умер — поделом. Музеи уже полны древностей, каждый новый предмет — лишний мусор. Покойный Стакен правильно говорил, что сперва нужно исследовать собранное, а потом уже гнаться за новым материалом.

Что-что? Райт объявлен преемником Стакена?! Назначение несколько преждевременное, вам не кажется? Что ж, нынче повсюду хаос... и молодежь рвется вперед...»

Райт покинул Египет без сожалений. На пароходе с ним плыла Нефрет и сундуки с ее многочисленными пожитками.

Известие о смерти Стакена и письмо, вызывавшее Райта в Берлин, дошли до Каира, когда Райт лежал заживо похороненным в гробнице Нефрет. Не случись этого, и Мэри, вероятно, не бросилась бы его искать. Поэт Бособр кашлял все чаще — он близился к смерти и не отводил от губ смятого худыми пальцами платка. На палубе корабля он не переставал фантазировать о Египте:

— Египет вечен. Он умирает, чтобы заново возродиться... Дух Осириса осеняет весь мир... Средневековые со своими двойными башнями, головы божественных животных в виде химер на колокольнях соборов — не что иное, как воскресшие египетские боги... Пальмовые рощи подобны аллеям готических колонн... Капители их — расцветшие бутоны... Обращенные к *Hostis nocturnus* молитвы на шабаше ведьм — Египет знал и это... Готика — это Египет, как и наш век, когда все стремится к чему-то возвышенному: обелиски, небоскребы, радиоантенны...

Мэри со скукой слушала эту болтовню и прижималась к своему глубоко ушедшему в себя мужу. А он и не задумывался над тем, верит ли в возрождение их похороненного счастья.

*

Мэри радовалась, что муж выздоравливает. Радовалась и возвращению в Берлин. Задумчивость Райта она объясняла хлопотами, связанными с его новой должностью. Теперь он получит звание профессора. «Супруга профессора» — звучало неплохо.

*

— Что ты собираешься делать со всеми этими вещами?

— Часть из них пойдет в музей.

— Вместе с мумией, очевидно.

— Кое-что оставлю у себя.

— Шкатулочку подари мне... и зеркальце... Я отдам их почистить и отполировать.

— Но пока что ты этого не сделала? — поспешно спросил Райт.

— Нет, — ответила Мэри, немного смущенная его резким тоном.

— Не надо их трогать... они предназначены для музея.

— Ты всегда такой: все, что мне нравится, не для меня.

Райт искоса глянул на жену. Мэри смотрела на кончики своих туфель.

В Бриндизи они узнали из газет о смерти лорда. В длинных статьях о Карнарвоне упоминалось о каре, постигшей осквернителей могил. Одного укусила ядовитая муха, другого раздавил слон, третьего сожрал лев, четвертый проглотил рыбью кость и задохнулся. О непосредственной связи не говорилось, но намеков было предостаточно....

— Люди просто смешны, — сказал Райт, отложив газету. — Когда «гробокопатель» попадает три года спустя на электрический стул, они сейчас же объясняют это мстостью мумии. Лорд умер от воспаления легких и это могло случиться годом раньше.

Мэри смотрела на дело иначе.

— Робби! а если и впрямь — ?

— Тебе нечего бояться: я уже побывал одной ногой на том свете и мне ничего не грозит... Теперь я должен ожить Нефрет и... написать книгу...

— Еще одну?... Снова о Египте?

— О Нефрет... И назову ее — «Царевна Нефрет».

Примечания

С. 8. ...*Истинною любовью...* — Эпиграф взят из книги Д. Мережковского (1865-1941) «Тайна трех. Египет и Вавилон» (1925).

С. 15. ...*Мут* — Также Маут, Моут, древнеегипетская богиня-мать, входившая в фиванскую триаду, чьи аспекты менялись на протяжении египетской истории. Изначально олицетворение первичных космических вод, позднее богиня-творец и т.д.

С. 15. ...*бесподобный маленький торс в лондонском University College* — Очевидно, небольшая поврежденная скульптура из Амарны, хранящаяся в современном Музее египетской археологии им. Питри в Университетском коллеге Лондона; ее иногда называют «торсом принцессы» или «торсом Нефертити».

С. 15. ...*флорентийский портрет, который ничем не уступает головке Монны Лизы* — В оригинале «флорентийская голова». Вероятно, автор имеет в виду фаюмский портрет из Археологического музея Флоренции.

С. 17. ...*Сапфо* — Сапфо (Сафо, ок. 630 — ок. 570 д. н.э.) — выдающаяся древнегреческая поэтесса, прославившаяся своей любовной лирикой.

С. 17. *От милого я вышла...* — Отрывки из «Начала прекрасных и радостных песен сестры, когда она возвращается с луга». Пер. В. Потаповой.

С. 18. ...«*ослиный мост*» — В нем. *Eselsbrücke* (букв. «ослиный мост») — шпаргалка, также мнемотехнический прием для облегчения запоминания.

С. 26. *Живи во веки веков...* — Здесь и ниже в переводе использованы фрагменты из т. наз. «Большого гимна Атому», найденного в гробнице древнеегипетского сановника (позднее предположенного фараона XVIII династии) Эйе, приближенного Эхнатона. Пер. М. Коростовцева.

С. 31. *Бес* — древнеегипетское божество, защитник от злых духов, покровитель домашнего очага, детей и деторождения, символ различных удовольствий; изображался в виде уродливого карлика.

С. 32. *Бастет* — также Баст, древнеегипетская богиня радости, любви, женской красоты, плодородия и домашнего очага. Более известна в виде кошки или женщины с головой кошки, однако в эпоху ранних династий изображалась как женщина с львиной головой и изначально ассоциировалась с другими богинями-львицами.

С. 32. ...*павиан Тот* — Тот — древнеегипетский бог мудрости, знаний, покровитель ученых, магических искусств, мирового порядка и т.д. Изображался в виде человека с головой одного из своих священных животных — ибиса или павиана.

С. 42. *Лорд Карнарвон* — Джордж Герберт, 5-й граф Карнарвон (1866-1923) — богатейший британский аристократ, коллекционер древностей, египтолог-любитель. С 1907 г. занимался раскопками в Египте совместно с археологом Г. Картером, открывшим в 1922 году гробницу Тутанхамона. В марте 1923 г. Карнарвон умер в Каире (вероятно, от заражения крови и пневмонии), что привело к возникновению легенды о «проклятии фараонов».

С. 56. *Уильяма Морриса* — У. Моррис (1834-1896) — выдающийся английский дизайнер, поэт, писатель, художник, известный своими социалистическими взглядами, видный представитель второго поколения группы «прерафаэлитов».

С. 59. *Госпожа, сладостная любовью...* — Фрагмент из «Жрицы Хатхор». Пер. А. Ахматовой.

С. 62. *Гюстава Моро* — Г. Моро (1826-1898) — видный французский художник-символист, известен своими живописными фантазиями и картинами на мифологические, библейские и мистические темы.

С. 66. ...я нашел то, что искал — гробницу последнего фараона восемнадцатой династии — Т. е. Тутанхамона, что позволяет датировать события 1922-23 г.

С. 67. ...статуи «Шейх-эль-белед» — Букв. «сельский староста» (араб.). Речь идет о знаменитой деревянной статуе жреца V династии Каапера, найденной в XIX в. в Саккаре и хранящейся в Каирском музее. После описанного ниже случая на раскопках прозвище «Шейх-эль-белед» прочно закрепилось за ней.

С. 69. *Любовь к тебе вошла мне в плоть и в кровь...* — Из цикла «Сила любви». Пер. В. Потаповой.

С. 69. *Мне вспомнилась твоя любовь...* — «Начало прекрасных и радостных песен сестры, когда она возвращается с луга». Пер. В. Потаповой.

С. 69. *К сердцу своему — в твоей груди!* — Строфа из указанного выше стихотворного цикла. Пер. В. Потаповой.

С. 70. *Цветок мех-мех вплетаю в свой венок...* — Из цикла «Начало радостных песен». Пер. В. Потаповой. Мех-мех — портупак.

С. 82. *Был рассвет, он стоял на берегу реки...* — Сон Сатми воспроизводит сюжет древнеегипетского стихотворения, условно именуемого «У реки» («Сестра — на другом берегу. / Препраждая дорогу любви, / Протекает река между нами. / На припеке лежит крокодил...» и т. д. Пер. В. Потаповой).

С. 83. ...когда сам фараон воздел руку против бога Амона — Речь идет о кратковременной религиозной реформе Аменхотепа IV (Эхнатона, ок. 1375 – 1336 до н.э.), который ввел культ солнечного бога Атона и преследовал жрецов и культы Амона-Ра и других богов.

С. 90. ...Беги близости женщин! — Далее в речи Инени и Сатми вкраплены некоторые цитаты из знаменитого «Поучения Птаххотепа» (XXV—XXIV в. до н. э.) в пер. В. Потаповой.

С. 111. *На него посылались ритуальные проклятия ... камней* — Обычай осыпать парасхиста или вспарывателя проклятиями и камнями, вызванный отвращением египтян к насилию по отношению к телу умершего, описан у посещавшего Египет древнегреческого историка I в. н. э. Диодора Сицилийского. Эта обязанность, по словам Диодора, была возложена на помощников вспарывателя.

С. 122. *«О Явлении пред Лицом Света»* — Вариант перевода оригинального древнеегипетского названия т. наз. «Книги мертвых».

С. 125. ...*таинственным образом отверз уста Нефрет* — Речь идет о мистическом ритуале, описанном в древнеегипетских погребальных текстах, например «Текстах пирамид», старейшие из которых датируются 2400-2300 гг. д. н. э.

С. 126. *Величествен наказ...* — Далее автор обыгрывает т. наз. «Песню арфиста», известную по гробницам Среднего Царства (в русском пер. А. Ахматовой — «Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой»). Нами использованы некоторые цитаты из этого перевода.

С. 130. *Hostis nocturnus* — ночной, темный враг (*лам*).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.